

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

Суть времени

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени». Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно по телефону 8-800-100-97-24 (звонок бесплатный), podpiska@eot.su

23 сентября 2015 г.

№146

Оглавление

Метафизическая война	3
Общество «Туле» и Карл Хаусхофер	4
Политическая война	118
Падение Кхмерской республики	119

<i>ОГЛАВЛЕНИЕ</i>	2
Культурная война	191
Михаил Глинка. Герой и Народ	192

Метафизическая война

Общество «Туле» и Карл Хаусхофер

При сравнении мировоззренческих взглядов Общества «Туле» и Карла Хаусхофера видна существенная разница. Общество «Туле» значительно сильнее тяготеет к антисемитизму и созданию тайных обществ, нежели Хаусхофер, который в первую очередь продвигал идею «расширения жизненного пространства»...

Добровольческий корпус Оберланд проходит парадным строем перед Гитлером в Нюрнберге

Эмблема Общества Туле

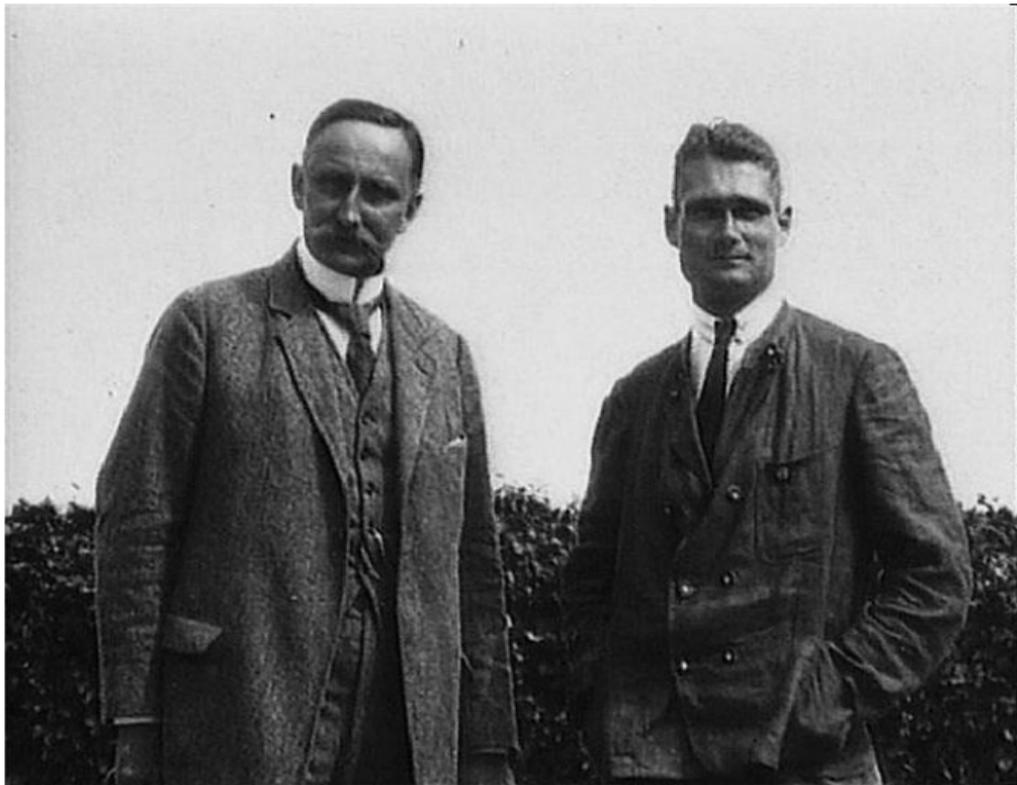
Гвидо фон Лист

Карл Хаусхофер

Рудольф Гесс, 1933

Хаусхофер и Гесс, 1920

Гитлер и Гесс на съезде нацистской партии, 1939

Франц фон Эпп в Судетах

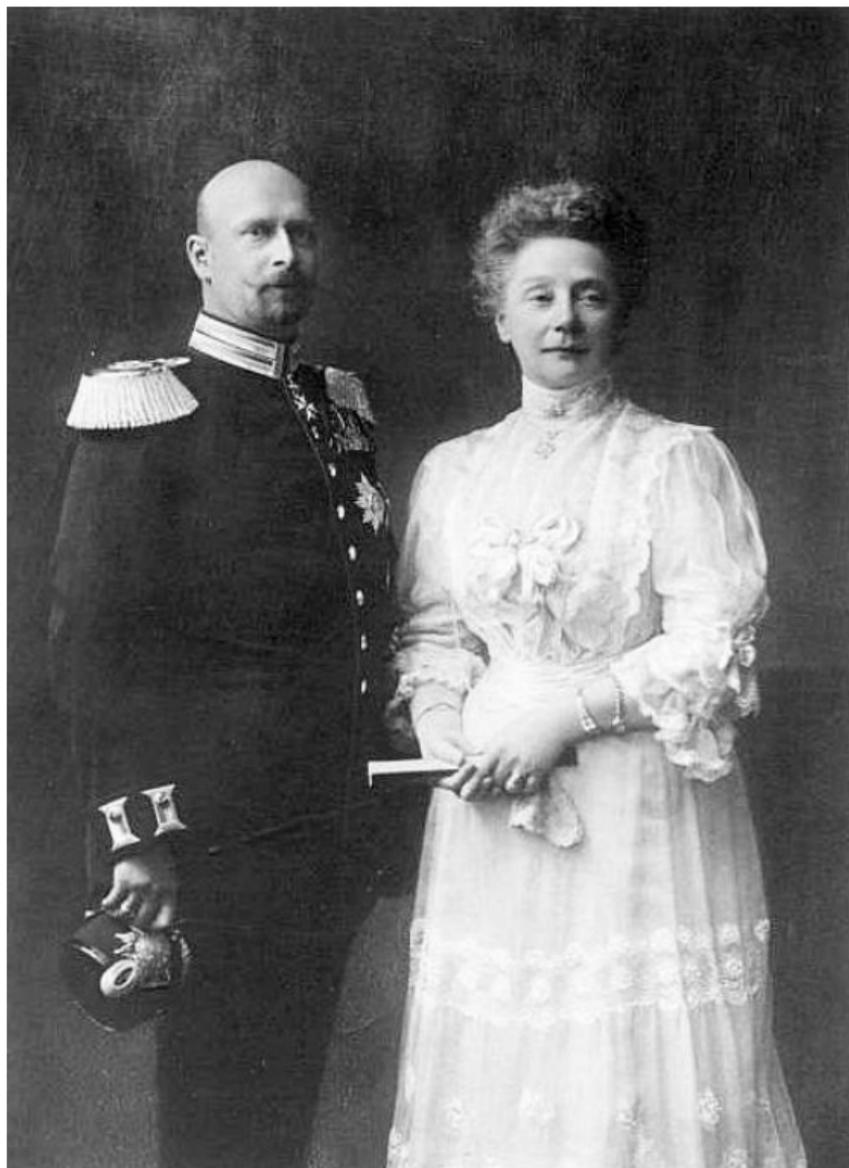
Франц фон Эпп между Борманом (слева)
и Гиммлером (справа)

Густав Штреземан

Плакат Немецкой народной партии с портретом Штреземана, 1930 г.

Герцог и герцогиня Мкеленбург-Шверинские

Людвиг III - последний царствовавший правитель из династии Виттельсбахов

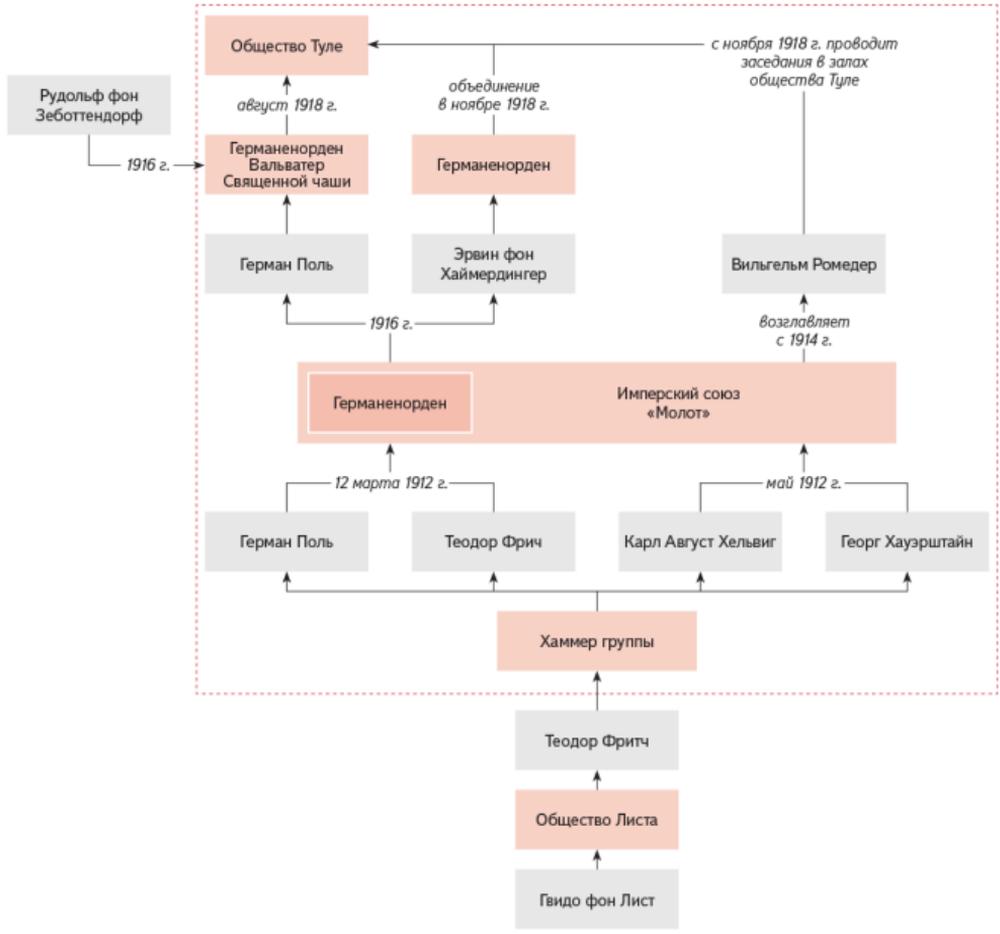

Рисунок 1. Происхождение Общества «Туле»

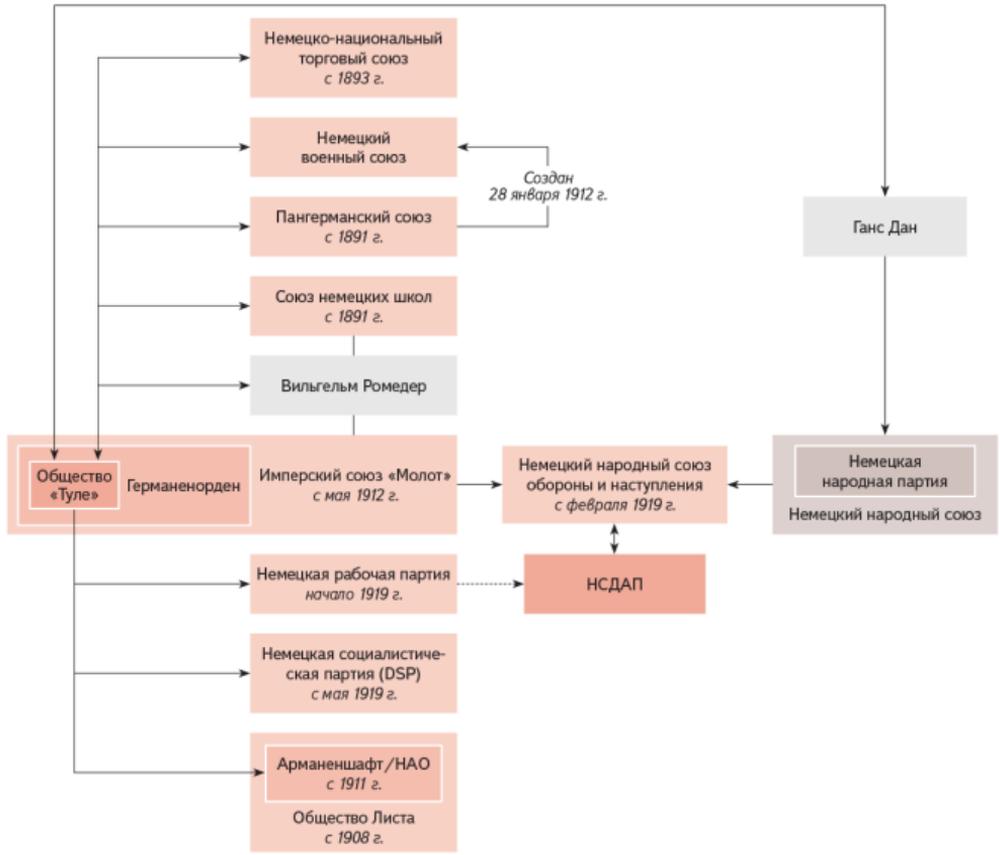

Рисунок 2. Связь Общества «Туле» с другими структурами. 1919 г.

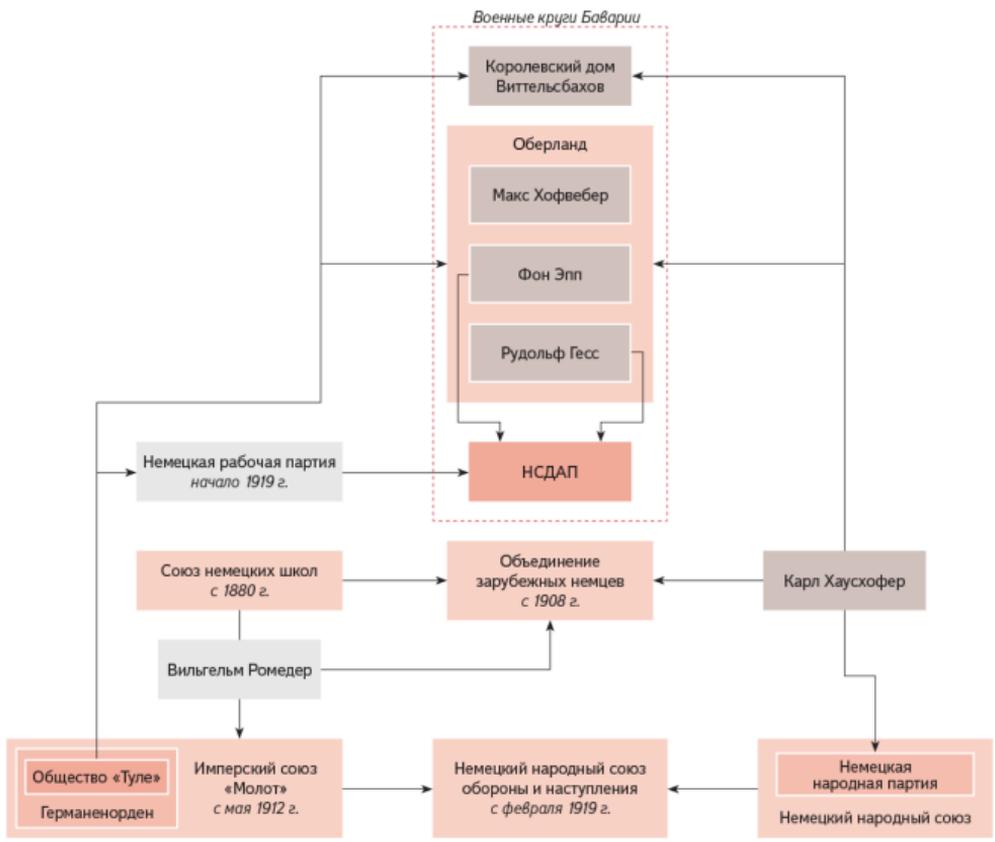

Рисунок 3. Возможные связи Хаусхофера с Обществом «Туле»

Введение

XX век наглядно показал, что наряду с существованием гуманистического представления

о будущем человечества может существовать и существует проект антигуманистического будущего. Наиболее ярким примером стал Третий рейх, построенный нацистами в Германии в 30-е и 40-е годы. Формирование и приход к власти политических сил, наделённых антигуманистической метафизикой, не может не интересовать тех, кто хочет противостоять ей.

Данная работа посвящена поиску возможных связей между Обществом «Туле» и Карлом Хаусхофером, которые оказали влияние на формирование политических структур Третьего рейха, формирование его элиты, её политических установок и конкретных действий.

Вопрос о возможной связи Общества «Туле» с Хаусхофером не является праздным хотя бы потому, что один из наших соотечественников — А. В. Васильченко — в своей книге, посвящённой деятельности Карла Хаусхофера, всячески настаивает на его непричастности к реальной политике Третьего рейха. Но существуют ве-

сомые основания полагать, что именно Хаусхофер был вдохновителем известного перелёта Рудольфа Гесса в 1941 году, который, предположительно, должен был способствовать установлению союза между Англией и Германией в войне против СССР. Есть вероятность, что в случае реального оформления такого союза наша Великая Победа в 1945 году могла бы и не состояться.

Хаусхофер являлся представителем определённых элитных кругов. Имели ли эти круги отношение к Обществу «Туле»? Был ли Хаусхофер членом этого общества? Ответам на эти вопросы посвящено данное исследование.

Общество «Туле»

История возникновения Общества

«Википедия» сообщает: *«Общество «Туле» (нем. Thule-Gesellschaft) — немецкое оккультное и политическое общество... Полное название — Группа изучения германской древности*

(нем. Studiengruppe für germanisches Altertum). Название общество «Туле» происходит от названия мифической северной страны из древнегреческих легенд. <...>

Основной темой исследований общества было происхождение «арийской расы». Страна «Туле» (греч. Θούλη) помещалась древнегреческими и древнеримскими географами на крайнем севере. Общество было названо в честь Ultima Thule («самая дальняя Туле») — дальней северной части Туле, упоминаемой Вергилием в «Энеиде», под которой обычно понимают Скандинавию. Нацистские мистики заявляли, что это была столица древней Гипербореи, находившаяся на дальнем севере, рядом с Гренландией и Исландией.

Члены общества верили, что «арийцы» были высшей расой, якобы существовавшей в доисторическую эпоху на легендарном материке Атлантида (остров или материк называли по-разному, но суть была одна — это была обитае-

мая земля на далёком севере. — Н. П.). Миф гласил, что жители Туле были потомками «арийцев», выжившими после гибели Атлантиды.

Члены общества также верили в то, что «арийцы» обладали секретным знанием, которое можно перенять путём магических ритуалов. <...>

Легенда о таинственном острове выполняла для членов «Общества Туле» двойную функцию. Они не только верили в существ, хранящих мудрость мифической цивилизации, но также утверждали, что немцы — наследники «арийцев», что делало их «расой господ». <...>

Слово «Туле» получило распространение у правых радикалов после издания северных саг 1913 года (серия переведённых саг носила это название в качестве отсылки к северному острову, упоминающемуся в античных источниках)».

Существует и другая версия о происхождении названия общества «Туле». Согласно этой вер-

сии, возникновение названия восходит к идеям Гвидо фон Листа — австрийского поэта, рунолога и оккультиста, оказавшего серьёзное влияние на нацистский оккультизм. *«В конце XIX века фон Лист издал книгу «Мистериальный язык индо-германцев», в которой утверждал, что нашёл в германской традиции следы духовности предков, обитавших в древности на континенте Арктогея. Столица этой древней земли называлась Туле».*

Николас Гудрик-Кларк — британский религиовед, директор Центра изучения западной эзотерики (EXESESO) при Школе гуманитарных и социальных исследований Эксетерского университета, один из наиболее авторитетных исследователей эзотерических обществ XX века, — подтверждает влияние идей Листа на формирование идеологии: *«Среди тех, на кого идеи Листа производили глубокое впечатление, были полковник Карл Август Хельвиц, Георг Хауэрштайн старший, Бернхард Кёрнер, Филипп*

Штауфф и Эберхард фон Брокхузен. Через них оккультно-националистические идеи Листа проникали в организации правого крыла Немецкого рейха. Хельвиг и Хауэрштайн были среди основателей «Рейхсхаммербунд» в мае 1912 года в Лейпциге, а Кёрнер, Штауфф и Брокхузен занимали ключевые посты в «Германенорден», её подпольном филиале. История ариософии в Германии не сможет обойтись и без Рудольфа фон Зеботтендорфа, горячего поклонника Листа и Ланца фон Либенфельса...». Но для того чтобы понять взаимосвязь между идеями Листа и Обществом «Туле», необходимо рассмотреть подробнее историю создания «Германенордена» и Общества «Туле».

«Гвидо фон Лист был первым популярным автором, соединившим народническую идеологию с оккультизмом и теософией. <...> В своих книгах и лекциях Лист предлагал истинным германцам отыскивать в ландшафтах Родины, её фольклоре и археологии сохранив-

шиеся следы великолепного теократического арийско-германского государства, возглавляемого королями-священниками и посвящёнными гностиками. <...> Поиски древней религии страны привели Листа к языческой вере». В частности, Лист считал, что хранители тайного знания исповедуют культ Вотана. «Как явствует из его лекций о жрецах Вотана, Лист полагал, что эта древняя религиозная элита образовала первую аристократию германских племён».

Идеи Листа были крайне привлекательны для пангерманистов и оккультистов одновременно, в связи с чем родилась идея о создании Общества Листа. В 1905 году оно было создано. Основная цель Общества заключалась в финансировании и издании серии исследований Листа. Главными же врагами последователи Листа считали евреев.

Несмотря на то, что ещё до 1900 года делались попытки создать политические партии антисемитской направленности, их продвижение

на выборах было затруднено. В связи с чем «некоторые антисемиты были убеждены, что мощное влияние евреев на немецкую общественную жизнь можно понять только как результат всепроникающего тайного заговора евреев; предполагалось, что с таким заговором можно справиться, лишь создав аналогичную (то есть тайную. — Н. П.) антисемитскую организацию». Среди последователей этой идеи был и Теодор Фрич — «немецкий издатель. . . , крупнейшая фигура предвоенного немецкого антисемитизма и немецкой политики между 1900 и 1914 годами. В январе 1902 года Теодор Фрич основал журнал «Молот» (нем. *Hammer*), сначала ежемесячный, а затем выходящий раз в две недели, который должен был послужить в качестве точки кристаллизации нового движения. В 1905 году читатели *Hammer*, число которых превысило три тысячи человек, начали собираться в местные *Hammer*-группы».

Идея антисемитского общества, организован-

ного по типу тайной масонской ложи, возникла среди националистических активистов около 1910 года.

5 апреля 1911 года была образована ложа Водана, её Мастером был избран Герман Поль — канцлер палаты мер и весов Магдебурга, впоследствии ставший главой «Германенордена». 15 апреля возникла Великая ложа с Теодором Фричем в качестве Великого мастера.

В конце 1911 года Герман Поль разослал письма приблизительно 50 потенциальным сотрудникам — антисемитам. Поль сообщал, что магдебургская группа «Молот» уже создала ложу, основанную на расовых принципах и ритуалах германского язычества. Поль призывал присоединиться к движению и создавать другие ложи...

12 марта 1912 года по совету Фрича организация приняла имя «Германенорден». А. В. Васильченко так описывает возникновение «Германенордена»: *«Поскольку имелось множество самых разнообразных групп, то 24–25 мая 1912 го-*

да произошло общее собрание их представителей. Этот антисемитский съезд проходил в Лейпциге. Именно тогда Фрич вместе с 20-ю своими ближайшими соратниками создал Имперский союз «Молот», председателем которого был назначен полковник из Касселя Карл Август Хелльвиц. С этого момента централизованному руководству стали подчиняться не только все общины «Молота», но и «германские ложи». Именно по этой причине все присутствовавшие на собрании решили объединиться в «Германский орден», который должен был являться чем-то вроде тайного совета при Имперском союзе «Молот».

Далее А. В. Васильченко сообщает, что «основной задачей «Германского ордена» был надзор за деятельностью евреев. Сведения об их действиях должны были стекаться в единый центр со всей Германии. Активная пропаганда расового учения должна была служить «борьбе против иудаизма и всего ненемецкого». В да-

лёкой перспективе «Германский орден» должен был добиться «объединения всех народов германской крови».

Дальше «процесс пошёл» довольно активно. В 1913 году образовались ложи в Нюрнберге и Мюнхене. Весной 1914 года группу Имперского союза «Молот» в Мюнхене возглавил Вильгельм Ромедер — лидер Союза немецких школ и член Общества Листа (см. выше) с 1908 года.

Таким образом, действительно можно удостовериться, что одним из идейных вдохновителей множества возникавших в начале XX века в Германии антисемитских организаций был Гвидо фон Лист, а одним из главных моторов и организаторов этого движения выступал Теодор Фрич.

Практически сразу после образования «Германенордена» в нём началась яростная борьба за власть. В результате этой борьбы сначала произошёл раскол «Германенордена» на две организации, причём, поскольку одна из частей ор-

дена «помимо ритуальных собраний постоянно устраивала правые митинги», другая часть стала называться Обществом «Туле», «чтобы избежать себя от нежелательного любопытства со стороны социалистов и прореспубликанских элементов».

Согласно описанию Н. Гудрик-Кларка, принятие нового названия произошло, скорее всего, в августе 1918 года. А. В. Васильченко подтверждает эти сведения: «Новая организация официально родилась 17 августа 1918 года, когда в гостинице «Четыре времени года» состоялось торжественное мероприятие, на котором присутствовало берлинское руководство «Германского ордена».

Дальше показания исследователей расходятся: Гудрик-Кларк полагает, что в ноябре 1918 года было достигнуто перемирие между частями «Германенордена», а Васильченко считает, что реального объединения «Германенордена» и Общества «Туле» не произошло.

Таким образом, Общество «Туле» — это мюнхенское отделение «Германенордена Вальватер», получившее своё название приблизительно в августе 1918 года. Сам же «Германенорден» — это тайная ложа, созданная на основе групп «Молот» и являвшаяся чем-то вроде тайного совета Имперского союза «Молот».

Поскольку «Германенорден» был по своему происхождению антисемитской организацией (как мы помним, основной задачей ордена была всесторонняя борьба с евреями, их деятельностью и влиянием), то отколовшееся от него Общество «Туле» также было по преимуществу антисемитским. И конечно, и «Германенорден», и Общество «Туле» были под большим впечатлением от ариософии, в соответствии с которой строились все правила и установления ордена. Например, к вступлению в орден допускались мужчины и женщины только безупречного германского происхождения. В специальной анкете приводилась подробная информация о цвете ко-

жи, глаз и волос вступающего в орден. Наиболее «правильными» признавались кандидаты, у которых цвет волос попадал в диапазон от светлых до русых, цвет глаз — от голубых до светло-карих, а кожа была бледная. Кроме того, при приёме учитывались личные особенности родителей кандидата, а также его дедушек и бабушек, а в случае, если вступающий состоял в законном браке, всё те же данные необходимо было сообщить и о своей «второй половине». Помимо прочего, руководство по приёму в члены ордена указывало на то, что необходимо воздерживаться от принятия физически неполноценных и «отталкивающего вида» людей.

Бюллетень «Германенордена» сообщал, что законы ордена были сформулированы после обсуждения их с Карлом Августом Хельвигом из «Аманенштафта». Согласно описанию Гудрик-Кларка, термином «Арманенштафт» Гвидо фон Лист обозначал сообщество интеллектуальной элиты ариогерманских племён —

потомков солнечного короля (интеллектуальное сословие, клан королей-священников). «Короли-священники были ответственны за все дела правления и образования древнего общества, эти обязанности были возложены на них их глубокой мудростью. Мудрость состояла в знании германской теософии. Обладание этим знанием рассматривалось как абсолютное и священное право политической власти для посвящённых, тогда как общество рас-слаивалось в соответствии с тем, насколько каждый класс причастен знанию. Лист подчёркивал то обстоятельство, что указанное знание не было одинаково доступно всем членам общества. Он указывал на двухъярусную систему экзотерического и эзотерического обучения знанию. Экзотерическая доктрина (вотанизм) предполагала популярную форму мифов и притч, предназначенных для низших социальных классов, эзотерическая доктрина (арманизм) имела дело с тайнами знания

и ограничивалась учениками из высшего круга».

Церемонии и ритуал «Германенордена» указывают на странный синтез расистских, масонских и вагнерианских мотивов. Приглашение на церемонию посвящения в Берлинской области 2 января 1914 года извещало братьев о необходимой форме одежды и о том, что новые кандидаты обязаны пройти расовые тесты у берлинского френолога Роберта Бюргера-Вилингена, изобретшего «пластометр» — новый инструмент для определения расовой чистоты посредством измерений черепа.

Сохранились документы, описывающие процедуру посвящения новичков в низший разряд ордена в 1912 году. Пока неофиты ждали в соседних комнатах, братья собирались в церемониальном зале ложи.

«Мастер занимал своё место на переднем плане под балдахином, по обе стороны от которого стояли два рыцаря в белых сутанах и шлемах, увенчанных рогами, руки их опира-

лись на мечи. Перед ними располагались казначей и секретарь в белых масонских поясах, глашатай занимал своё место в центре зала. В конце зала, у чаши Грааля, находился певец в белой мантии, перед ним — Мастер церемоний в голубой мантии, а вокруг них полукругом стояли братья ложи, на таком же расстоянии, как столы казначея и секретаря. За Граалем находилась музыкальная комната, в которой фисгармония и пиано сопровождалась маленьким хором «лесных эльфов».

Церемония начиналась мягкими звуками фисгармонии, братья исполняли хор пилигримов из «Тангейзера» Вагнера. Ритуал начинался в сумерках; когда братья совершали жест, символизирующий свастику, Мастер отвечал им. Затем Мастер церемоний вводил в зал неофитов, одетых в мантии странников, с завязанными глазами. Здесь Мастер рассказывал им об ордене. Певец зажигал священное пламя в Чаше, с послушников снимали мантии

и повязки. Мастер приближался к неофиту и совершал магические действия копьём Вотана, рыцари скрещивали над ними свои мечи. Звучали вопросы и ответы, сопровождаемые музыкой Лоэнгринга, затем послушники принесли клятву верности. Посвящённых окружали с криками «лесные эльфы» и как новых братьев вели их к чаше Грааля, где горело священное пламя певца. В этом ритуале члены ложи должны были олицетворять собой основных персонажей германской мифологии, потому весь церемониал производил сильнейшее впечатление на кандидатов».

Структура общества «Туле»

Исследование истории Общества «Туле» позволило понять, что оно входило в сложные взаимоотношения с другими организациями, кружками, союзами и т.д. Для дальнейшей работы важно описать схему Общества с учётом этих струк-

тур.

Согласно имеющимся сведениям, к 1918 году «Германенорден» раскололся. Однако в ноябре 1918 года в Германии произошла революция, в связи с чем орден вновь объединился для борьбы с евреями и их «заговором». (Конечно, мы помним мнение А. В. Васильченко о том, что никакого объединения ордена на самом деле не произошло, однако, учитывая активную совместную деятельность Общества «Туле» и других организаций, связанных с «Германенорденом», после ноябрьской революции, напрашивается совершенно иной вывод.)

Действительно, иногда при изучении материалов по истории Общества появляется некоторое впечатление независимости и самостоятельности действий руководителей Общества «Туле». Возникает ощущение, будто Общество «Туле» было не частью крупной организации, а самостоятельным отделением, отколовшимся от «Германенордена» сначала благодаря Полю, а позже —

благодаря Зеботтендорфу. Однако такие представления не выдерживают серьезной критики. Так, известно, что 22 июня 1919 года Зеботтендорфа перестали приглашать на собрания. Это значит, что его кто-то должен был изгнать и принять на себя управление орденом. А люди, изгнавшие Зеботтендорфа, вряд ли были «свободными художниками». На самом деле, к Обществу «Туле» с 1918–1919 годов стали намного ближе не только многочисленные организации «Германенордена», но и организации, тесно связанные с Имперским союзом «Молот».

Гудрик-Кларк пишет о том времени: *«Когда в ноябре 1918 года разразилась революция, многие националистические группы потеряли крышу, поскольку хозяева помещений опасались оказаться в оппозиции к новому республиканскому правительству (которое во время революции было коммунистическим; в целом, в результате революции 1918 года, которая была вызвана усталостью от войны и пред-*

ощущением поражения Германии, в Германии была установлена парламентская форма правления, известная как Веймарская республика. — Н. П.). Зеботтендорф объявил о том, что залы Общества «Туле» в отеле «Четыре времени года» примут к себе оставшихся без крова. Гостеприимство коснулось Национально-либеральной партии Ганса Дана, пангерманистов и Союза немецких школ Вильгельма Ромедера» (как мы помним, возглавившего в 1914 году мюнхенскую группу Имперского союза «Молот»). Также временными постояльцами Общества «Туле» стали Готтфрид Федер, Альфред Розенберг, Дитрих Экхарт, и Рудольф Гесс — все они в дальнейшем достигли выдающегося положения в нацистской партии.

Согласно логике Гудрик-Кларка получается, что владельцы отеля «Четыре времени года», в котором проходили собрания Общества «Туле», не боялись оказаться в оппозиции к новому правительству — в отличие от владельцев дру-

гих помещений. Почему? Дело в том, что место это особенное. Улица, на которой находился отель, — Максимилианштрассе — была построена по желанию Короля Баварии Максимилиана II (1811–1864) возле его резиденции. Отель был построен на этой улице для размещения королевских гостей и был отелем высшего класса, готовым удовлетворить запросы самых взыскательных «клиентов». Например, в 1910 году в этом отеле останавливался король Сиам (нынешнего Таиланда), что говорит и о статусе этого отеля, и о его связях с королевской семьёй Баварии.

Главным инвестором при строительстве отеля была семья Шимон/Обермейер. В 1889 году новым директором отеля стал Адольф Обермейер (тогда ему был 21 год). Судя по всему, он оставался директором этого заведения вплоть до 1918 года. Видимо, статус отеля и связи его хозяев позволяли какое-то время предохранять Общество «Туле» от вмешательства со стороны коммунистического правительства Баварии.

В том числе благодаря наличию помещения для собраний, под крылом Общества «Туле» к 1919 году были собраны отнюдь не случайные организации. Фактически оно было соединением двух ветвей единого движения: «Германенордена» и Имперского союза «Молот», а также организаций, которые были плотно связаны с ними.

К 1919 году Общество «Туле» имело связи со следующими организациями:

- «Арманеншафт» (Armanenschaft), оно же — НАО (Hoher Armanen-Orden) — внутренний круг Общества Листа (как мы уже видели ранее, многие члены «Германенордена» состояли и в Обществе Листа. — Н. П.);
- «Немецкая народная партия» (Deutsche Volkspartei — DVP) — правое крыло Национал-либеральной партии (Nationalliberale partei) Ганса Дана, основанная в ранний период существования Веймарской республики;
- Рабочая партия Германии (DAP), которая была

создана членами Общества «Туле»;

- Немецкая социалистическая партия (DSP), которая была создана членами Общества «Туле»;

- Союз немецких школ (Deutscher Schulverein). Лидер этой организации Вильгельм Ромедер, как мы помним, вступил в Общество «Туле», а также был организатором Баварского отделения Имперского союза «Молот»;

- Созданный на собрании Пангерманского союза «Немецкий народный союз обороны и наступления» (Deutschvölkischer Schutz und Trutzbund), который, в свою очередь, включал следующие организации: Имперский союз «Молот», «Немецкий народный союз» (Deutschvölkischer Bund), Пангерманский союз (Alldeutsche Verband), Немецкий военный союз (Deutsche Wehrverein), созданный в 1912 году при участии крупных промышленных групп и имевший задачу военной подготовки населения, что в преддверии Первой мировой войны было очень популярным в Германии, Немецкий

национальный торговый союз (Deutschnationaler Handlungsgehilfen-Verband) и его дочерняя организация «Едущие парни», которая занималась сохранением в порядке дорог.

Объединение огромного количества сил под крышей Общества «Туле» выглядит вполне логичным, если мы вспомним, что «Германенорден» создавался как своего рода информационный центр для подобных организаций. К тому же все указанные организации, так или иначе, имели отношение к «Германенордену», Обществу «Туле», Имперскому союзу «Молот» или группам «Молот». К сожалению, не до конца ясен характер взаимоотношений этих организаций и принцип подчинённости.

Как видно из схемы, в дополнение к имевшимся организациям, начиная с 1919 года Общество «Туле» формирует дополнительные структуры, по всей видимости, с целью увеличения зоны своего влияния. Речь идёт о Немецкой рабо-

чей партии и Немецкой социалистической партии. Видимо, участникам Обществом «Туле» стало понятно, что одних лишь тайных организаций недостаточно для победы в борьбе с евреями. Причём интересно, что не все вновь создававшиеся организации имели ярко выраженный националистический характер (например, Немецкая социалистическая партия).

Каково же было внутреннее устройство ордена и Общества «Туле»? Из немногочисленных описаний можно узнать, что после объединения к 1919 году в ордене имелись следующие должности:

- Великим магистром ордена был Эберхард фон Брокхузен;
- Секретарём / канцлером ордена был Герман Поль (если только после объединения ордена не произошли существенные изменения);
- Хранитель родословных — Вальтер Наухауз;
- Спикер — Франц Даннель;

- Изучением германского права руководил Иоханес Геринг (Эринг);
- Изучением нордической культуры руководил Вальтер Наухауз;
- Изучением геральдики и генеалогии руководил Антон Дауменланг.
- Орден имел свои отделения в следующих областях:
 - Франконская область, Мастер — Юлиус Рутингер;
 - Баварское отделение, Мастер — Рудольф фон Зеботтендорф;
 - Лейпцигская ложа;
 - Берлинская ложа, Мастер — Герман Польш;
 - Ложа в Силезии (Бреслау);
 - Гамбургская ложа;
 - Ложа Остерланда (Гера);
 - Регенсбургская ложа, Мастер — Лоренц Меш;
 - Нюрнбергская ложа, Мастер — Юлиус Рюттингер, затем — Топфер (Тепфер).

Был ли Хаусхофер членом Общества «Туле»?

Существуют различные версии на этот счёт. Есть авторы, которые считают, что Карл Хаусхофер был не просто членом Общества «Туле», но его идейным вдохновителем и идеологическим лидером. Так считают, например, А. И. Первушин и Д. Х. Бреннан. Но другие исследователи так не считают, среди них — А. В. Васильченко и Н. Гудрик-Кларк.

Вольфганг Акунов в своей статье «Новый Вульфилла» сообщает, что Хаусхофер был гостем Общества «Туле», но, к сожалению, ссылок на материалы не приводит.

Для того чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо рассмотреть наиболее вероятные связи между Хаусхофером и Обществом «Туле».

Рудольф Гесс и Макс Хофвебер

Наиболее очевидное связующее звено между Хаусхофером и Обществом «Туле» — Рудольф Гесс. Гесс не только был постояльцем мюнхенского отеля «Четыре времени года» с 1918 года, но и учеником Хаусхофера в Мюнхенском университете. Важно также отметить, что Гесс был очень близким другом семьи Хаусхоферов, о чём свидетельствует их личная переписка.

Познакомились они 4 апреля 1919 года на лётном поле Легфельд благодаря общему знакомому Макс Хофвеберу (интересно отметить, что на этом же лётном поле находился лагерь Легфельд, в котором в июне-июле того же 1919 года проходил пятидневные политические курсы Гитлер; обучение на курсах было посвящено борьбе с политически неблагонадёжными элементами внутри вооружённых сил). Хофвебер некогда был адъютантом Карла Хаусхофера, его помощником при штабе. Но и

это ещё не всё: по сведениям из книги Лурсена «Hammer of the Gods'» Хофвебер был членом Общества «Туле»! Более того, в этой же книге утверждается, что именно Макс Хофвебер привёл Рудольфа Гесса в Общество «Туле».

С Хофвебером Гесс познакомился в лётной школе. После войны Гесс работал какое-то время на Хофвебера, в его фирме по производству состаренной мебели. А во время формирования добровольческих корпусов Гесс прятал добытое оружие не только в отеле «Четыре времени года», но и в помещениях компании Хофвебера.

Взаимоотношения между Хаусхофером и Гессом были очень дружескими. Достаточно отметить несколько фактов, приведённых Васильченко А. В. в его книге «Сумрачный гений III Рейха Карл Хаусхофер»:

- Из дневника Марты Хаусхофер следует, что в 1920 году Гесс был постоянным гостем семьи Хаусхоферов;

- 24 июня 1921 года с подачи Рудольфа Гесса Карл Хаусхофер познакомился с Адольфом Гитлером;
- После «Пивного путча», в ноябре 1923 года, Гесс четыре дня скрывался в доме у Хаусхоферов;
- 24 июня 1924 года Карл Хаусхофер впервые посещает Гесса в тюрьме Ландсберг. Затем Хаусхофер 8 раз посещал Рудольфа Гесса, визиты обычно происходили по средам. Во время визитов Карл Хаусхофер передал Гессу «Политическую географию» Ратцеля и трактат фон Клаузевица «О войне»;
- В декабре 1927 года Карл Хаусхофер был свидетелем на свадьбе Рудольфа Гесса;
- В ноябре 1938 года Хаусхофер принимал участие в обряде имянаречения сына Рудольфа Гесса.

Список доказательств тесной связи Гесса и Хаусхофера можно было бы продолжить. Однако имеющихся сведений нам достаточно для того,

чтобы указать на исключительно близкие взаимоотношения между Хаусхофером и Гессом.

Мог ли в этой ситуации Хаусхофер не знать о существовании тайного Общества «Туле», на собрания которого ходил его близкий знакомый Гесс? Но ведь не только Гесс был членом Общества «Туле», но и Хофвебер! А взаимоотношения между этими тремя людьми поддерживались вплоть до 1941-го и даже до 1946-го года.

Вот выдержка из письма Гесса Карлу Хаусхоферу от 5 июня 1939 года: *«Вчера я известил Макса [Хофвебера] о прибытии в Эссен. Теперь двум друзьям оставалось только сожалеть, что третий [Карл Хаусхофер] не мог присоединиться к ним».* Судя по письмам Гесса, его взаимоотношения с Хаусхофером были действительно весьма и весьма дружескими. Вот, например, выдержка из письма Гесса Хаусхоферу от 26 августа 1939 года: *«Мне хотелось бы тебя поздравить с 70-летним юбилеем несколько иначе. Я надеялся, что два твоих друга (имеются в виду*

Гесс и Хофвебер. — Н. П.) заглянули бы к тебе и мы бы провели вместе несколько прекрасных часов. Мы бы наполнили эти часы воспоминаниями из жизни троих людей. Ты же, оглядываясь назад, можешь найти в памяти воспоминания, в которых принимали бы действие я и Макс».

А в 1941 году, когда решались уже куда более серьёзные вопросы, Хаусхофер, согласно исследованию А. В. Васильченко, собирает информацию через своего старого знакомого: «Уже с января 1941 года он (то есть Хаусхофер. — Н. П.) через своего фронтового приятеля Хофвебера пытался собрать сведения о настроении Гесса», — пишет Васильченко. И далее: «В январе 1946 года он писал своему приятелю Хофвеберу, что очень печалился о том, что не скончался месяц назад от удара».

Крайне сомнительным выглядит предположение, что Хаусхофер мог не знать от двух своих хороших друзей о существовании Общества «Туле». Это выглядит почти невероятным. В свя-

зи с чем мы вполне обоснованно можем сделать предположение, что Хаусхоферу было известно об Обществе «Туле» и его деятельности.

Союз «Оберланд»

Интересно, что Гесс также был участником добровольческого корпуса «Оберланд», созданного Обществом «Туле» после ноябрьской революции 1918 года. 6 октября 1923 года Гесс пишет Карлу Хаусхоферу о чувстве братства в «Оберланде» и о том, что Хаусхофер был бы там принят как свой: *«Нечто похожее [ощущение братства] происходило со мной и в «Оберланде». Должно быть, в его рядах мы стояли у границы миров: между земным миром и миром потусторонним. Но эти тревоги нисколько не тяготили нас. Нет никакого сомнения, эти парни с ликованием бы приветствовали тебя в рядах «Оберланда».*

Повороту Общества «Туле» от оккультно-

теоретической сферы к практической политической деятельности способствовал, прежде всего, Рудольф фон Зеботтендорф. Благодаря ему Общество «Туле» стало одним из первых, кто ответил на свершившуюся революцию созданием добровольческих отрядов. *«После провозглашения Баварии Советской республикой 7 апреля 1919 года баварское государственное правительтво, бежавшее от Советов из Мюнхена в г. Бамберг, начало выдавать предприимчивым баварцам <...> патенты с разрешением набирать добровольцев. Такой документ был выдан, между прочим, и не имевшему опыта командования войсками барону Рудольфу фон Зеботтендорфу...»* Кем конкретно был выдан документ? Ответ на этот вопрос мы находим в другой статье Акунова: «Оберланд» сформирован *«по поручению военного министра Шнеппенгорста и председателя Солдатского совета земли Бавария Джозефа Симона»*. Информацию о том, кто выделил средства на формирование доб-

ровольческого корпуса, находим в уже цитированной выше книге Лурсена «Hammer of the Gods»: *«Деньги на попытку были предоставлены гражданами Мюнхена протее Зеботтендорфа Вернером фон Хеимбургом и Иоганом-Эресмус Фрейхер фон Мальсен-Поникау».*

А при чём тут Общество «Туле»? — спросит читатель. А вот при чём, в уже упоминавшейся статье Акунова читаем: *«Зеботтендорф представил выданное ему разрешение командованию III Армейского корпуса в г. Нюрнберге, где находились правительственные склады вооружения и снаряжения. Заручившись разрешением командования Армейского корпуса на формирование добровольческого отряда, барон Зеботтендорф направился дальше, в г. Эйхштетт — место создания будущего фрейкора. Вероятнее всего, Рудольф фон Зеботтендорф получил разрешение на формирование собственного отряда, невзирая на отсутствие у него опыта командования войсками, поскольку являлся осно-*

вателем мюнхенского Общества «Туле». Иными словами, кто-то из покровителей Общества «Туле» явным образом способствовал получению данного разрешения. И этот кто-то должен был иметь серьёзное влияние в военных кругах Баварии.

Таким образом, благодаря Зеботтендорфу в ноябре 1919 был создан добровольческий корпус «Оберланд». В него также вошёл Боевой союз Общества «Туле» — боевое крыло тайного общества. *«Рудольф фон Зеботтендорф занимался в своём фрейкоре только организационными вопросами»*. Это ещё раз позволяет говорить о том, что Зеботтендорф был всего только символической фигурой, так сказать, зиц-председателем, иначе бы руководство отряда не оказалось в руках других людей.

«Знамёна «оберлендеров» были не бело-голубыми баварскими, а чёрно-бело-красными (как трёхполосный государственный флаг рухнувшей в результате Ноябрьской революции

1918 года кайзеровской Германии — «Второго рейха»). <...> Когда численность «Оберланда» достигла примерно 300 штыков, он получил приказ войти в состав боевой группы Зиберта («Группе Зиберт») <...> С августа 1919 года «Оберланд» был преобразован в батальон временных добровольцев («Цейт-Фрейвиллиген-Батальон»). В этом качестве он и пребывал до марта 1920 года».

После Капповского путча и выступления левых сил против правительства Фридриха Эберта вновь возникла необходимость в привлечении корпуса «Оберланд». «Временные добровольцы, сведённые в 17-ю роту «Оберланд» под командованием капитана Горадама, получили приказ вернуться в строй и сформировали, как и было предусмотрено на этот случай, VI батальон временных добровольцев». После выполнения поставленной задачи «оберлендеры» были переброшены обратно в Мюнхен. 30 апреля 1920 года, во дворе Турецкой казармы, капитан

Горадам принял последний парад «Оберланда». В тот же день корпус был расформирован.

Однако связи между добровольцами фрейкора «Оберланд» сохранялись и после его роспуска. *«Все они состояли в «Ополчении жителей Баварии» лесного советника (форстрата) Эшериха и старшего землемера (обергеометра) Канцлера, известного также под названием «Организации Эшериха» («Организацион Эшерих») или, сокращённо, «Оргэш». При этом управление нелегальной организацией оставалось всё в тех же «правых националистических» руках: все службы подчинялись полковнику Францу фон Эппу.*

Фон Эпп — весьма интересная фигура. Вот что пишет о нём «Википедия»: *Профессиональный военный фон Эпп «после провозглашения леворадикальными силами Баварской советской республики возглавил добровольческий корпус. Фрайкор фон Эппа вместе с другими военизированными «белыми» отрядами в апреле–мае*

1919 года участвовал в походе на Мюнхен, завершившемся кровопролитным взятием города и расстрелом арестованных лидеров крайне левых.

Затем фрайкор фон Эппа был принят в состав рейхсвера (армии Веймарской республики), став основой 21-й баварской охранной бригады, командиром которой стал фон Эпп. Также ему были подчинены городская полиция Мюнхена, пожарные команды и техническая аварийная помощь (военизированные инженерные формирования, подчинённые техническому центру в составе военного министерства). Во время Капповского путча 1920 года фон Эпп вместе с другими ультраправыми баварскими лидерами — руководителем пожарных команд Георгом Эшерихом и начальником мюнхенской полиции Эрнстом Пенером — настоял на отставке социал-демократического правительства Хоффманна и назначении правого гражданского правительства Густава Ритте-

ра фон Кара. В апреле 1920 года баварский фрайкор фон Эппа участвовал в боевых действиях против Красной Армии Рура.

1 октября 1920 полковник фон Эпп был назначен командующим пехотными войсками 7-го военного округа рейхсвера (Мюнхен). Начальником его штаба был гауптман Эрнст Рем, который познакомил фон Эппа с Адольфом Гитлером. Многие баварские нацисты (такие, как Ганс Франк, Рудольф Гесс, братья Грегор и Отто Штрассеры) ранее служили в фрайкоре фон Эппа. Существует информация, что в 1921 году фон Эпп по предложению Рема выделил 60 тысяч марок на приобретение центрального органа NSDAP *Völkischer Beobachter*. Связи с ультраправыми политическими силами привели к тому, что правительство Веймарской республики приняло решение об увольнении фон Эппа из рейхсвера, но он сам подал в отставку. С 31 октября 1923 находился в отставке, сохранив право ношения военной формы и получив

звание генерал-лейтенанта».

Кстати, фон Эпп был давним другом Хаусхофера и, по мнению многих исследователей, именно он повлиял на выбор Хаусхофером офицерской карьеры.

Вернёмся к истории добровольческого корпуса «Оберланд».

Постепенно численность фрейкора росла и к лету 1921 года достигла 9 600 (по другим сведениям — 9 800) штыков. Это позволило сформировать из «Оберланда» в составе «Ополчения жителей Баварии» Эшериха и Канцлера отдельный отряд под Земельным знаменем («Ландфане», нем. Landfahne). Большинство исследователей сходятся в том, что к этому времени «Оберланд» (обладавший даже тяжёлым оружием) являлся наиболее боеспособным вооружённым формированием в Баварии (если не считать собственно баварский рейхсвер).

Вместо расформированного Добровольческого корпуса «Оберланд» в октябре 1921 года

был учреждён и зарегистрирован в надлежащем порядке Союз «Оберланд», в который перешла значительная часть прежних чинов одноимённого добровольческого корпуса. Союз «Оберланд» в первоначальный период своего существования являлся, в основном, организацией гражданской самообороны. Многие члены Союза «Оберланд» были участниками мюнхенского «пивного путча» Гитлера–Людендорфа 8–9 ноября 1923 года, в том числе Рудольф Гесс и Фридрих Вебер, на протяжении многих лет возглавлявший Союз «Оберланд».

Интересно, что, как пишет А. В. Васильченко, в 1920-е годы Карл Хаусхофер через своего знакомого графа Генриха Люксбурга поддерживал тесные связи с Союзом «Оберланд». Хаусхофер не раз бывал в замке Гогенэк, где принимал участие в празднествах и собраниях, организованных «Оберландом». По-видимому, благодаря тому же графу Люксбургу Хаусхофер оказался в Японии в качестве военного атташе — имен-

но Люксбург рассказал Хаусхоферу, что «военное министерство Баварии намеревается направить в Японию перспективного офицера, для чего разыскивался доброволец».

В 1925 году Хаусхоферу было предложено занять место в правлении Союза «Оберланд». Однако Карл Хаусхофер отказался. Нужно отметить, что Союз «Оберланд» был запрещён после «пивного путча» и вновь стал легальным объединением только после снятия запрета 25 февраля 1925 года. Видимо, в это время Хаусхоферу как раз и было сделано предложение возглавить Союз. Будет ли вменяемый политик предлагать первому встречному место в правлении боевого союза? И не просто боевого союза, а некогда наиболее дееспособного боевого добровольческого объединения? Конечно, нет. Значит, Хаусхофер не просто участвовал в празднествах «Оберланда», он был очень хорошо знаком с руководителями союза. Главный вопрос заключается в том, кто именно руководил Союзом «Обер-

ланд» к 1925 году.

Как мы знаем, 25 июля 1919 года добровольческий корпус «Оберланд» был полностью влит в состав 21-й баварской стрелковой бригады, которая являлась рейхсверовской частью. Основой при формировании стрелковой бригады являлся добровольческий корпус фон Эппа, которому после долгих споров и дискуссий всё-таки удалось стать бригадным командиром.

Формально фюрером Союза «Оберланд» стал Фридрих Вебер, но не будем забывать, что ещё в 1919 году Вебер вступил в ряды добровольческого батальона фон Эппа. То есть велика вероятность того, что на самом деле настоящим главой «Оберланда» был фон Эпп и стоящие за ним структуры. В этом случае, учитывая давнее знакомство Хаусхофера и фон Эппа, становится понятным, почему ему предлагалось возглавить союз «Оберланд» в 1925 году.

О потенциальной связи фон Эппа с Обществом «Туле» пишет А. В. Васильченко: «После из-

лечения Гесс вступил в состав добровольческого корпуса фон Эппа, который по «странному» стечению обстоятельств организовал свою штаб-квартиру в гостиничных помещениях Общества «Туле».

Является ли это «стечением обстоятельств» или на самом деле между фон Эппом и Обществом «Туле» была связь? И не значит ли это, что контроль над «Оберландом» переходил из рук в руки в рамках одной организации — Общества «Туле»? К сожалению, однозначных сведений о том, что фон Эпп был членом Общества «Туле» найти не удалось. Однако перечисленные выше детали указывают на это.

Пангерманский союз

Интересно, что замок Гогенек, в котором проходили мероприятия «Оберланда», был куплен в 1920-е годы Юлиусом Фридрихом Леманом (Julius Friedrich Lehmann) — немецким издате-

лем, основателем издательства своего имени J. F. Lehmann Verlag, выпускавшего медицинскую, националистическую, шовинистическую и расистскую литературу. «Википедия» сообщает, что *«на рубеже XIX–XX веков Леман сыграл значительную роль в превращении Мюнхена в центр антисемитизма в Германии. В эпоху Веймарской республики Леман одним из первых оказывал поддержку НСДАП, впоследствии вступив в эту партию».*

А ещё в 1917 году Леман вступил в «Немецкую отечественную партию» (нем. Deutsche Vaterlandspartei) — крупнейшую в то время националистическую партию в Германии. Она была учреждена 2 сентября 1917 года (в годовщину победы в битве при Седане во время Франко-прусской войны) Вольфгангом Каппом и фон Тирпицем. Целью партии было вызвать в германском народе национальное движение, сорвать заключение мира, продолжать аннексионистскую внешнюю политику. Партия

поддерживала политику фон Гинденбурга и Людендорфа. Финансовую поддержку «Немецкая отечественная партия» получала от Верховного командования германской армии. «В июле 1918 года, на пике популярности, в партии состояло 1 250 000 членов, но к сентябрю членство сократилось до 800 000. Из-за неудач на фронте популярность партии стремительно падала; согласно полицейским рапортам, подавляющее большинство участников партийных демонстраций приходили не поддерживать партию, а протестовать против неё. Вскоре после ноябрьской революции 1918 года, просуществовав всего 14 месяцев, партия была распущена». Юлиус Леман издавал газету «Обновление Германии», которая стала рупором этой партии.

В дальнейшем Леман работал в правлении Пангерманского союза и был активным членом организации «Немецкий народный союз обороны и наступления».

Естественно предположить, что содействие Лемана «Оберланду» было не случайным. Скорее всего, оно было напрямую связано с деятельностью организации «Пангерманский союз», в которой Леман играл одну из первых скрипок. В частности, уже не раз упоминавшийся отель «Четыре времени года», в котором проходили собрания Общества «Туле», был центром националистической агитации Пангерманского союза во время Первой мировой войны.

Николас Гудрик-Кларк в своей книге сообщает, что «Пангерманский союз» — это название одной из мюнхенских Хаммер-групп: *«В следующем году Иоханнес Геринг, принадлежавший мюнхенской группе Hammer, известной также как «Пангерманский союз», хорошо знавший Листа и Ланца фон Либенфельса, написал Штауфффу о франкмасонах»*. А если так, то выходит, что «Пангерманский союз» был одним из звеньев Имперского союза «Молот», мозговым центром которого являлся «Германенорден». А о связи

«Германенордена» с Обществом «Туле» нам хорошо известно.

«Пангерманский союз» считается одним из сильнейших идеологических центров в Германской империи в период с 1891 по 1939 годы. Его программа была экспансионистской, пангерманской, милитаристской и националистической. Кроме того, в ней были ярко выражены юдофобия и антиславянство. Основными целями «Пангерманского союза» были заявлены: оживление патриотического сознания, поддержка немецких интересов за рубежом и содействие энергичной немецкой политике.

«Википедия» сообщает, что «деятельность союза не ограничивалась границами только Германии, но была направлена на объединение всего немецкого сообщества. Одна из главных целей пропаганды была Австро-Венгрия, так как в этой стране жило крупнейшее немецкоговорящее население, не входившее в Германскую империю. <...>

Пангерманский союз отражал интересы тех слоёв элиты, которые следовали курсом, обозначенным Бисмарком, — объединение немецкоговорящих земель, увеличение территории Германии, в том числе военным путём».

Как мы уже знаем, «Пангерманский союз» поддерживал «Немецкую отечественную партию», в которой с 1917 года состоял Леман. Вполне естественно, что идеи и деятельность Общества «Туле» оказались ему созвучными.

Кстати, некоторые члены Общества «Туле» состояли и в «Пангерманском союзе». Например, Пауль Тафель: *«На политические убеждения членов партии (имеется в виду Немецкая рабочая партия. — Н. П.) сильно повлиял наставник Дрекслера — доктор Пауль Тафель, директор компании MAN, который также был членом Общества «Туле» и, кроме того, являлся лидером «Пангерманского союза».* Основной идеей Тафеля было создание националистической партии, опиравшейся на рабочих, в отличие от подоб-

ных партий среднего класса».

Взгляды «Пангерманского союза» на расширение границ Германии явно совпадали со взглядами Хаусхофера на расширение жизненного пространства. Однако однозначных сведений в пользу связей Хаусхофера с Обществом «Туле» через «Пангерманский союз» нет. Более того, в 1921 году Хаусхофер создал ячейку «Немецкой народной партии» Штреземана, тем самым выступив на стороне буржуазных элит. Если бы он был более близок к элитам, представлявшим «Пангерманский союз», то, скорее всего, вступил бы в «Немецкую отечественную партию» или, скажем, в «Национал-либеральную земельную партию». Кстати, именно эту партию на выборах 1919 года поддерживал Зеботтендорф, агитируя за неё в своей газете.

«Немецкая народная партия»

Мы уже упоминали, что «Немецкая народная партия» — это политическая партия в Германии периода Веймарской республики, созданная на основе правого крыла Национал-либеральной партии Германии. Одним из основателей «Немецкой народной партии» был Густав Штреземан, который возглавлял ННП вплоть до своей смерти в 1929 году.

«Немецкая народная партия» представляла интересы немецких промышленников и прочих предпринимателей. В своих программных установках партия выступала за христианские семейные ценности, светскую систему образования, снижение тарифов, за отрицательное отношение к расходам по социальному обеспечению и субсидиям аграрному сектору экономики. *«Немецкой народной партии» также была свойственна враждебность по отношению к марксистской идеологии (это касалось не только комму-*

нистов, но и социал-демократов)».

Поддержка этой партии Обществом «Туле» на выборах 1919 года представляется не случайной, так как сторонники «Общества «Туле» были в основном юристами, судьями, университетскими профессорами, аристократами, принадлежавшими королевскому окружению династии Виттельсбах, промышленниками, врачами, учёными и преуспевающими бизнесменами, как, например, сам владелец гостиницы «Четыре времени года».

Поддержка «Немецкой народной партии» со стороны Хаусхоферов, видимо, тоже была не случайной. А. В. Васильченко пишет, что «большое влияние на Карла Хаусхофера и Альбрехта Хаусхофера оказала Гертруда Вольф — активистка партии (первая женщина-депутат в баварском ландтаге). Вольф была не только активисткой «Немецкой народной партии», но и другом семьи Хаусхоферов. С начала 1921 года она постоянно

призывала Карла и Альбрехта Хаусхоферов попытаться реализовать свои идеи и начинания именно через её партию».

Карл Хаусхофер, вероятно, прислушался к советам и вступил в «Немецкую народную партию». Но Хаусхофер был не простым членом партии. В 1921 году он был избран председателем городской партийной организации «Немецкой народной партии», на чём, как пишет Васильченко, *«постоянно настаивал генерал фон Шох, председатель баварского земельного комитета, и майор Винингер».*

Крайне важно, что генерал Карл фон Шох имел прямое отношение к баварскому генеральному штабу. По всей видимости, именно по поручению генерального штаба Баварии Хаусхофер в своё время был отправлен в Японию в качестве атташе. Не менее важно и то, что в Германской имперской армии *«главнокомандующим Рейхсхеера, и в меньшей степени баварского контингента, был Кайзер. Ему помогал военный каби-*

нет, и контроль осуществлялся через Министерство обороны и генеральный штаб. Начальник генерального штаба стал главным военным советником Императора и самой мощной военной фигурой в Германии. Бавария имела своё собственное Военное министерство и свой собственный генеральный штаб, но координировала свои планы военных операций с прусским генеральным штабом».

Именно таким разделением управления можно объяснить наличие как минимум двух блоков партий, представлявших интересы военных кругов. В первый блок, по всей видимости, входили представители Кайзеровского блока (Людендорф, Тирпиц и прочие). Они сформировали «Пангерманский союз».

Во второй блок входили представители баварского генерального штаба (Хаусхофер, фон Эпп, Карл фон Шох). Они вошли в «Немецкую народную партию».

Конечно, Общество «Туле» поддержало

«Немецкую народную партию» на выборах в 1919 году, а председателем баварской организации Хаусхофер стал только в 1921 году, но, тем не менее, становится понятным, что у Общества «Туле» и Хаусхофера был общий круг знакомых в верхушке этой партии. А значит, опосредованная связь между Хаусхофером и Обществом «Туле» была. Как минимум, они в разное время отражали интересы одной и той же группы.

Союз немецких школ и объединение зарубежных немцев

21 апреля 1923 года Хаусхофер написал своей супруге: *«Уже два дня неустанно меня преследует господин фон Вицлебен»* (заместитель председателя баварской организации *Объединение зарубежных немцев [Verein für Deutsche Kulturbeziehungen im Ausland]*, ФДА. Ранее — *Союз немецких школ [Allgemeiner Deutscher Schulverein]*). А уже через 3 дня (24 апреля

1923 года) Карл Хаусхофер вступил в ряды этой организации.

13 мая 1880 года был создан Союз немецких школ. В 1881 году в Берлине, был создан Главный школьный союз по сохранению немцев за рубежом. В 1908 году Берлинское отделение было переименовано в «Организацию зарубежных немцев». После 1919 года Венская часть организации сменила название на «Объединение немецких школ южного региона». «Организация зарубежных немцев» приветствовала приход нацистов и разделяла их идеологию, в том числе расизм. Также имеются сведения о том, что «Организация зарубежных немцев» вместе с СС занимались подготовкой этнических чисток на территориях, завоёванных нацистами.

«Организация зарубежных немцев» — немецкая культурная организация. В период нацизма содействовала германской разведке в добыче сведений по всему миру. В качестве цели деятельности «Организация зарубежных

немцев» выдвигала сохранение немецкой культуры среди «расовых немцев». Иначе говоря, данная организация занималась не просто помощью в изучении немецкого языка за рубежом, но являлась фактически одним из звеньев внешней разведки Германии.

И вот в августе 1924 года, на съезде в Швайнфурте, произошло избрание Карла Хаусхофера председателем баварского отделения «Организации зарубежных немцев». Решение было принято единогласно. А с 1925 года к работе отца подключается и сын Альбрехт: *«Помогая отцу в его работе, Альбрехт Хаусхофер оказался связанным с различными группами зарубежных немцев. Именно с этого времени он стал питать особую страсть к «пограничной работе» и «народной политике».*

Несмотря на то, что Хаусхофер уже в 1925 году попросил освободить его от должности председателя баварского отделения ФДА, он оставался активным членом правления ФДА вплоть до 30-х

годов.

Наиболее важным фактором для нас является то, что Вильгельм Ромедер (руководитель Главного союза немецких школ) был членом Общества «Туле», а также руководителем баварского отделения организации Имперский союз «Молот» с 1914 года. Хаусхофер, конечно же, был с ним знаком, будучи руководителем баварского отделения ФДА. Выходит, мы нашли уже несколько членов Общества «Туле», с которыми был непосредственно знаком Хаусхофер.

В целом, необходимо отметить, что Хаусхофер куда больше интересовался внешней политикой, нежели внутренней, причём начал заниматься ею фактически с момента своего отъезда в Японию. Помимо этого он не только вступил в «Организацию зарубежных немцев», но и был инициатором создания Немецкой Академии (которая позже стала Институтом Гёте).

Мюнхенский университет

Интересна ещё одна деталь. Мы хорошо знаем, что Хаусхофер был преподавателем в Мюнхенском университете. Здесь же учился его ученик и друг Гесс, преподавал Готфрид Федер — член общества «Туле».

Не менее интересно и то, что именно в стенах Мюнхенского университета в 1919 году проходил курсы агитаторов Гитлер. В этом же университете учились Людвиг I и Людвиг III — короли Баварии, а также огромное число нобелевских лауреатов и других известных личностей: начиная с XIX века Университет Людвиг-Максимилиана считается одним из наиболее престижных университетов Европы.

К сожалению, не удалось найти никакой прямой связи между Хаусхофером и Обществом «Туле» через Мюнхенский университет, кроме нескольких лиц, являвшихся членами Общества «Туле».

Герцог Иоганн Альбрехт Мекленбург-Шверинский

Привлекает внимание ещё одно совпадение, отдалённо связывающее Хаусхофера с Обществом «Туле».

В конце 1909 года герцог Мекленбург вместе со второй супругой предпринял поездку в Восточную Азию, откуда возвращался в Германию по Транссибирской железной дороге. Во время поездки Мекленбург посетил следующие страны: Сингапур, Сиам (Таиланд), голландскую Ост-Индию (Индонезия), Цзяочжоу (залив в восточной части Китая), Японию.

Годом ранее похожим маршрутом проследовал сам Хаусхофер вместе со своей женой: 22 октября 1908 года Карл и Марта Хаусхофер сели на пароход «Гебен». Хаусхоферы прибыли в Неаполь, потом через Порт-Саид и Цейлон — в Индию. Хаусхоферы посетили Хайдарабад, Бомбей, Калькутту, Дели. В начале 1909 года Карл Хаусхо-

фер побывал у подножия Гималаев. Затем, через Бирму, они попали в Сингапур, некоторое время жили в Гонконге и Шанхае. 19 февраля 1909 года Карл и Марта Хаусхофер достигли Нагасаки (Япония). 15 июня 1910 года Хаусхоферы покинули Киото, прибыли во Владивосток и потом, по Транссибирской дороге, через Иркутск, отправились в Москву. 11 июля 1910 Хаусхоферы выехали из Москвы в Варшаву.

Конечно, сложно на основании подобного совпадения утверждать наличие связи между герцогом Мекленбургом и Хаусхофером, однако совсем не обратить внимания на данный сюжет нельзя. Возможно, в результате более развёрнутого исследования связь между похожими поездками станет более очевидной.

Осталось только добавить, что герцог Мекленбург-Шверинский с лета 1919 года был канцлером «Германенордена», сменив на этом посту Хеймердингера. А так как к этому времени распавшийся орден объединился, то это озна-

чает, что Мекленбург, по всей видимости, имел существенное влияние и на деятельность Общества «Туле». Впрочем, и здесь единого мнения среди авторов нет. В частности, А. В. Васильченко считает, что Общество «Туле» действовало как самостоятельная организация.

Виттельсбахи

В. В. Акунов в своей статье «Фрайкоры 2» так описывает особенности персонального состава Общества «Туле»: *«В Обществе «Туле», наряду с видными представителями баварской аристократии (баронами Вильгельмом фон Виттгенбергом, Гансом Германом фон унд цу Бодеманом, Эрнстом фон Лютцельбургом, Францем фон Фейлицшем, Эрнстом фон Леффельгольцем и Петером фон Ратценштейном, принцессой Адельгейд фон Микуш и др.), состояли Председатель мюнхенского отделения «Пангерманского (Всенемецкого) Союза» («Альдойчер Фер-*

банд») Иоганн Фридрих Леман и многие будущие германские национал-социалисты — инженер Готтфрид Федер, ассистент геополитика профессора Карла Гаусгофера Рудольф Гесс, журналист Карл Харрер из газеты «Мюнхенер Беобахтер» (переименованной в дальнейшем в «Фелькишер беобахтер» и ставшей главным печатным органом гитлеровской партии НСДАП), зубной врач, доктор Фридрих Крон, владелец типографии «Мюнхенер беобахтер» Ганс Георг Грассингер (а согласно некоторым источникам — также будущий «главный идеолог» НСДАП, эмигрировавший из России прибалтийский немец Альфред Розенберг). Впрочем, глава Общества «Туле» Рудольф барон фон Зеботтендорф (Рудольф Глауэр) в своей книге «Прежде чем пришёл Гитлер» (запрещённой в Германии вскоре после своей публикации в 1934 году, утверждал, что Рудольф Гесс и Альфред Розенберг являлись не членами, а лишь «гостями» мюнхенского Общества «Туле».

В этом описании можно увидеть подтверждение уже цитировавшегося выше мнения Н. Гудрик-Кларка о том, что члены и сторонники Общества «Туле» в основном представляли высшие слои баварского общества, в том числе окружение династии Виттельсбахов.

Семья Хаусхоферов тоже имела давние связи с королевским домом Виттельсбахов. Например, дед Карла Хаусхофера — Макс Йозеф Хаусхофер был сыном придворного учителя при короле Максимилиане I. Более того, сам король был крестным отцом деда Хаусхофера!

Дядя Карла Хаусхофера — Карл Риттер Хаусхофер *«стал переходным мостиком между семьёй Хаусхоферов и представителями династии Виттельсбахов. Его учениками были: принцесса Тереза, принц Людвиг, принц Леопольд, принц Арнульф. Он же впервые заговорил с Карлом Хаусхофером о геополитике»*. Как нам удалось убедиться ранее, «переходный мостик» к династии Виттельсбахов существовал и до по-

явления на свет дяди Карла. Но тем не менее, прочность этого «мостика» доказывает работа Карла Риттера Хаусхофера над воспитанием Терезы, Людвига, Леопольда и Арнульфа — детей принца-регента Луитпольда, который фактически являлся правителем Баварии во время царствования Людвига II и Отто I. Его сын стал последним королём Баварии — Людвигом III.

То есть Луитпольд правил с июня 1886 года по 1913 год в качестве регента. После Луитпольда на престол взошёл его сын Людвиг III — последний король из династии Виттельсбахов и воспитанник Карла Хаусхофера (дяди «нашего» Хаусхофера).

Людвиг III стал королём Баварии 5 ноября 1913 года. А после начала Ноябрьской революции в Германии, 7 ноября 1918 года, король бежал из дворца и 13 ноября 1918 года отрёкся от престола. Одна из старейших монархий Европы прекратила своё существование.

К сожалению, более подробных сведений

о связях между королевским домом Виттельсбахов, Обществом «Туле» и Хаусхофером найти не удалось. Но обращают на себя внимание несколько фактов. Судя по всему, династия Виттельсбахов стремительно теряла свою поддержку среди местной баварской элиты начиная с 1880-х годов, когда на престол взошли два недееспособных короля подряд (Отто I и Людвиг II). Не менее показательным является отречение Людвига III от престола. Людвиг отрёкся от престола, не предприняв никаких действий для восстановления прежнего порядка. Такое поведение короля косвенно может свидетельствовать о том, что поддержка его среди местной элиты была невелика, иначе он бы смог опереться на неё и осуществить контрреволюцию.

Но среди членов Общества «Туле» были, как мы убедились ранее, представители элиты, имевшие прямое отношение к дому Виттельсбахов. Хаусхоферы тоже имели к этому дому непосредственное отношение. Вполне логичным вы-

глядит предположение о наличии мостика от Хаусхофера к Обществу «Туле» через элитные круги вокруг дома Виттельсбахов.

Идеология Общества «Туле» и взгляды Карла Хаусхофера

Рассмотрим подробнее идеологию Общества «Туле» и взгляды Карла Хаусхофера в надежде найти пересечения. Возможно, эти пересечения укажут нам на преемственность каких-то идей.

Идеология и мировоззрение Общества «Туле»

Наибольшее количество сведений об идеологии и политической ориентации Общества «Туле» мы знаем из статей Зеботтендорфа, опубликованных в газете «Мюнхенский обозреватель» и из его книги «Прежде чем пришёл Гитлер». Необходимо делать поправку на то, что взгляды

Зеботтендорфа могут не отражать в полной мере взглядов Общества «Туле». Указав на эту особенность, приступим к исследованию заявленного вопроса.

«В своей книге Зеботтендорф указал несколько имён, которые, по его мнению, являлись «источниками движения». На первом месте, вне всякого сомнения, стоял «классик» немецкого антисемитизма Теодор Фрич, который был многим известен как создатель Имперского союза «Молот» и один из соучредителей «Германского ордена». Назывались также имена Альфреда Гугенберга и Генриха Класса, которые в данном случае выступали не столько в качестве активистов «Пангерманского Союза», сколько как «хранители» антисемитских идей. Кроме этого, в книге упоминаются Гвидо фон Лист, Йорг Ланц фон Либенфельс, также журналист и издатель Филипп Штауфф, который являлся ярым поборником идей Гвидо фон Листа». Из данного

отрывка из книги А. В. Васильченко «Общество «Туле». Правда без мифов» становится понятным, что основными чертами мировоззрения Общества «Туле» были:

- Антисемитизм — в качестве почвы для выбора противника;
- Любовь к руническим надписям и памятникам древности как свидетельствам бывшей высоко-развитой и утраченной арийской цивилизации. Также как свидетельства древней религии ариев;
- Элитарность и эзотеричность как основа для сохранения арийской мудрости. Позаимствована из ариософии Листа;
- Древняя германская мифология в качестве основы для культов общества (Оден, Вальватер, Грааль и пр.).

Антисемитизм

Антисемитизм был распространён в Баварии в связи с тем, что число евреев-переселенцев всё

время росло, что увеличивало социальную напряжённость как в Австрии, так и в Германии.

Ариософия

Как уже сообщалось ранее, некоторые члены Общества «Туле» имели непосредственное отношение к Обществу Листа и даже к ядру этой организации — высшему ордену Арманистов (НАО). Этот факт говорит о том, что в Обществе могли культивироваться ариософские взгляды.

«Ариософию» можно перевести на русский как «арийская мудрость», «мудрость арийцев». Под этим понятием в первую очередь понимается национализм, в который были интегрированы элементы религиозного расизма и теософии. *«Ариософия как явление возникла на рубеже XIX–XX веков на территории Австрии и была прежде всего связана с такими именами, как Гвидо фон Лист и Йорг Ланц Либенфельс. <...>*

Накануне Первой мировой войны она приобрела большую популярность также на терри-

тории Германии. Но всё-таки корни ариософии надо искать в специфических условиях, которые сложились в многонациональной Австро-Венгерской империи Габсбургов. Тогда многие австрийские немцы считали, что их национальному бытию угрожало увеличение численности других этнических групп (венгров, чехов, словаков и т.д.). Подобные опасения привели к тому, что среди части немецкого населения стал культивироваться национализм пангерманского типа. <...> Национализм, расизм, антилиберализм и культурный пессимизм сплывались в единый идеологический конгломерат. <...> Первым автором, который связал воедино друг с другом националистические и теософские элементы был Гвидо фон Лист».

Гвидо фон Лист

В 1889 году Гвидо фон Лист опубликовал роман «Карнунтум», в основу которого была положена версия, что на территории Австрии ещё

до римского завоевания существовала высоко-развитая германская цивилизация. Следы наследия этой предполагаемой древней германской цивилизации Гвидо фон Лист искал повсюду: в археологических памятниках, названиях лесов, рек и гор. Доказательства существования древней германской религии Лист усматривал в старых рунических надписях и древних символах.

«Центральной идеей новой политической мифологии стала мысль об имевшемся некогда священном духовенстве, которое исповедовало культ Вотана. Предполагалось, что эти жрецы на протяжении веков хранили в тайне древние знания арийцев. <...>

Для самого Гвидо фон Листа христианство ассоциировалось с негативными тенденциями, которые возобладали в германском мире в Средние века, приведя к закату арио-германской расы. <...>

Политическая мифология Гвидо фон Листа строилась не только на сугубо религиозно-

исторических элементах, но и на расовой идее, которая нашла своё отражение в принципе вечной борьбы между «высшими» и «низшими» расами. Хотя в данном случае речь шла не столько о расизме, сколько о теософской конструкции, которая оказалась привита к германской мифологии. Для популяризации данных идей было специально создано Общество Гвидо фон Листа, в которое входили как представители фелькише-кружков, так и теософских и эзотерических объединений».

В Германии среди поклонников подобных идей, состоявших в Обществе Гвидо фон Листа мы находим Филиппа Штауффа, Карла Хелльвига, Георга Хауэрштайна. Бернхарда Кёрнера и Эберхарда фон Брокхузена. Весьма показательны, что все они также состояли в Имперском союзе «Молот» и в «Германенордене».

Ланц фон Либенфельс

В своей книге «Общество «Туле». Правда без

мифов» А. В. Васильченко пишет:

«

С определёнными оговорками к числу учеников Гвидо фон Листа можно отнести Адольфа Ланца, который предпочитал именоваться Йоргом Ланцем фон Либенфельсом. Его идеи базировались исключительно на принципах вечно-го противостояния между «высшими» и «низшими» расами. Отчасти он использовал терминологию, предложенную Листом, однако свои идеи он «приправлял» сведениями, почерпнутыми из современных на то время гуманитарных и естественных наук. <...> Либенфельс полагал, что «божественный элемент» сохранился в аристократах, но ему угрожали «неполноценные». <...>

После окончания Первой мировой войны Либенфельс стал ещё активнее пропагандировать свои расистские и антисемитские идеи, так как был уверен в существовании «еврейского большевистско-масонского заговора». <...>

Разбирая доктрины Листа и Либенфельса необходимо указать на принципиальные различия между ними, которые в первую очередь касались различного отношения к христианству. В то время как Лист отвергал христианство в любом его виде, Либенфельс создавал «ариохристианство». <...>

В ариософской интерпретации человеческой истории когда-то имелось высокоразвитое, «расово чистое» общество арийцев, которые пребывали под руководством гностического духовенства. Эти арийцы воплощали собой принципы «добра» и «благородства», которым постоянно угрожало «зло», представленное «низшими» расами. По мысли ариософов заговор «низших» рас оказался удачным — именно этим объяснялись процессы расового смешения и упадка древнего арийского строя. Однако, если верить этим идеям, арийские вожди вовремя осознали масштабы угрозы, а потому стали создавать тайные ордена, в которых должны были хра-

ниться высшие знания и превозносятся добродетели арийцев. Планировалось, что это позволит им пережить эпоху упадка. Новое культурное процветание и духовное «выздоровление» было возможно лишь при условии повторного обращения к древним культурным ценностям. <...>

Зеботтендорф фактически подтверждал, что в своих идеях исходил из абстрактного гностицизма, который он применял к расовой теории того времени. Главное различие состояло в том, что Зеботтендорф подразумевал под «злом» не все «низшие» расы, а исключительно евреев. В данном случае он исходил из главной аксиомы гностицизма — признания гнусности материального мира. По этой причине Зеботтендорф всячески проклинал материализм. Для него материя была «преходящим, из которого бессмертный дух создавал всё новое». В данном случае для Зеботтендорфа «грехопадение» человечества заключалось не в «расовом смешении», а в отказе от религии, которая постепенно за-

менялась поклонением материи. Поскольку для создателя Общества «Туле» евреи были «непревзойдёнными материалистами», то он соотносил их со «злом». Масоны провозглашались врагами в силу несколько иных причин. «Вольные каменщики» учили, что человек был всего лишь продуктом отношений, существовавших в обществе, а потому, чтобы улучшить человека, надо было улучшать социальные отношения. В итоге масоны провозглашали принцип равенства и всемирного братства людей. Зеботтендорф противопоставлял этим принципам «арийскую мудрость», которая опиралась на принцип самосовершенствования отдельного человека, чтобы через этот процесс можно было улучшить окружающий его мир. Кроме этого, для арийцев всегда имели значение национальные, а не интернациональные интересы. О равенстве Зеботтендорф говорил следующее: «Мы — аристократы. Мы хотим осознанно сделать немецкую народность благородной, чтобы быть равными. Только в таком ду-

хе мы признаём принцип равенства... Где господствуют массы, там свою ужасную тиранию устанавливает Иудея». В итоге Зеботтендорф исходил из того, что евреи якобы пытались всячески мешать установлению «арийского равенства», то есть препятствовали облагораживанию народов. Для достижения этой цели, использовался принцип «разделяй и властвуй» — провоцировались конфликты между различными группами, например, между аристократами и королём, между рабочими и работодателями. Сами же «provokatory» использовали постоянно подогреваемый конфликт интересов, чтобы установить в обществе собственную власть. Зеботтендорф полагал, что эта стратегия была настолько успешной, что якобы «в ближайшее время» евреи могли получить в свои руки «бразды правления». Он писал по этому поводу: «Мы могли видеть, как в начале этого века все немецкие политические партии находились либо под влиянием евреев, либо под еврейским руковод-

ством». Антисемитизм Зеботтендорф трактовал всего лишь как «защитную реакцию» на попытки «чуждой расы притязать на власть».

Таким образом, можно смело утверждать, что когда Зеботтендорф создавал Общество «Туле», его мировоззрение было, с одной стороны, связано с гностическим расизмом в духе Ланца и Листа, с другой стороны — с радикальным антисемитизмом, который он как бы приобрёл в «наследство» от Фрича и его единомышленников.

<...>

Что касается «Германского ордена», то в первую очередь надо обратить внимание на листовку, которая называлась «Немецкое послание». Она является весьма показательной. Эта листовка, использовавшаяся «Германским орденом» для пропаганды и вербовки новых членов, однозначно ссылается на расовое учение.

<...> В ней провозглашалось неравенство человеческих рас, а также утверждалось, что «чистота расы означает величие и процветание, а ра-

совое смешение, напротив, ведёт к разрушению и упадку». Кроме этого в ней говорилось: «Закат всех культурных народов древности был вызван лишь продолжительным смешением рас, когда арийцы безответственно подходили к выбору супруги». <...> Текст этой листовки однозначно говорил о том, что руководство «Германского ордена» находилось под впечатлением от ариософских идей. <...>

Остаётся лишь уточнить, насколько все эти идеи были применимы в Обществе «Туле». В данном случае надо сосредоточить внимание на статье «Чего мы хотим? Нашим немецким товарищам!» По большому счёту, эта статья-прокламация весьма напоминала листовку «Германского ордена» «Немецкое послание». <...> Однако имелись и существенные различия. Во-первых, в листовке Общества «Туле» значительно меньше места уделялось расовым доктринам (Гудрик-Кларк высказал мнение о том, что даже название Общество «Туле» было взято для

того, чтобы не ассоциироваться с «Германенорденом». — Н. П.) И если «Германский орден» возмущало расовое смешение, то Общество «Туле» опасалось возможного поражения в мировой войне. Руководство Общества «Туле» видело причину всех бедствий Германии в недостающем немцам национальном сознании и недостаточной народной сплочённости. В самой листовке не говорилось, являлись ли негативные явления «результатом» расового смешения, или же были вызваны к жизни какими-то иными силами. Провозглашение «нравственной и духовной чистки нашего народа» подводило к мысли не о «расовой селекции», а лишь к «восстановлению любви к Родине и восстановлению чувства национальной уверенности». (То есть Общество «Туле» пропагандировало более умеренные идеи. — Н. П.) В листовке Общества «Туле» слово «раса» встречается один-единственный раз: «Мы должны понимать, что означает здоровая и нравственно чистая раса. В этом вопросе мы можем препо-

дать урок всем нашим злейшим врагам».

Из приведённых формулировок, которые употреблялись в листовке Общества «Туле», совершенно не следовало, что его руководство придерживалось расистских воззрений. Можно предположить, что листовка, предназначенная для широких масс, и не должна была содержать в себе излишне резкие, категоричные суждения. Кроме этого, надо напомнить о том, что «Германский орден» делал адресную рассылку «Немецкого послания», то есть изначально ориентировался на людей, которые должны были с одобрением отнестись и к расизму, и к ариософии. Также в агитации, которая велась через «Мюнхенский обозреватель», чему Зеботтендорф посвятил в своей книге несколько страниц, лишь в отдельных случаях можно обнаружить следы ариософского влияния. <...>

Официальная идеология Общества «Туле» фактически никак не соприкасалась с ариософией (*оставим это суждение на совести авто-*

ра. — Н. П.). Руководство организации (пусть даже по тактическим соображениям) предпочитало дистанцироваться от гностического расизма, который культивировался в «Ордене новых тамплиеров» и в Обществе Гвидо фон Листа. В своей пропаганде руководство «Туле» предпочитало взывать к национальному самосознанию, а также критиковать всё, что это сознание подрывало: республику, большевизм, «еврейский заговор». Именно они, а не некое «расовое смешение» воспринимались большинством членов Общества «Туле» как опасные социальные явления. (Тогда почему, по словам Гудрик-Кларка, при вступлении в Общество люди должны были проходить измерение головы и доказывать чистоту своей родословной? Считаю, что в данной ситуации Васильченко явно приукрашивает Общество «Туле» по непонятным для меня причинам. — Н. П.) По большому счёту, в своих идеологических установках Общество «Туле» почти ничем не отличалось от прочих групп, кото-

рых в изобилии имелось в так называемом «национальном лагере» (*это заключение мы тоже оставим на совести автора. — Н. П.*). »

В доказательство того, что ариософия имела существенное влияние на общество «Туле» приведём цитату из речи Зеботтендорфа на одном из собраний после ноябрьской революции в Баварии:

«Вчера мы пережили гибель всего, что было нам дорого, близко и свято. Вместо наших принцев германской крови у власти смертельные враги — евреи. Чем грозит нам этот хаос, мы ещё не знаем. Но мы догадываемся. Время, которое придёт, будет временем борьбы, горьких утрат, временем опасности... И пока я держу свой железный молот (речь о молоте Мастера. — Н. П.), я клянусь все силы отдать этой борьбе. Наш Орден — германский Орден, и преданность наша — германская. Наш бог — Вальватер, его руна — Ар. И триединство: Вотан, Вили, Ви — едины в тройственности. Ар — руна

означает Ариан, первоначальное пламя, солнце и орёл. Чтобы показать волю орла к самопожертвованию, он окрашен в красный. С сегодняшнего дня наш символ — красный орёл, пусть он предупреждает нас, что мы должны умереть, чтобы выжить».

Гудрик-Кларк поясняет: «Ссылки Зеботтендорфа на *Ar* — руну и на мистическую фигуру воскресающего орла, ставшую воинствующим символом арийцев, свидетельствуют о несомненном влиянии Листа. Ещё в 1908 году Лист писал о том, что *Ar* руна означает солнце, первоначальный огонь, арийцев и орла, при этом он также имел в виду смерть и воскресение орла как специфически немецкий символ возрождения. Триединство Вотана, Вили и Ви он описывал в своей германско-теософской космогонии 1910 года. Название Общество «Туле» тоже восходит к ариософии. Этот термин произошёл от имени, данного самой северной земле, открытой Пифеем (*Pytheas*) около 300 г. до н.э.

Зеботтендорф отождествил эту Ультима Общества «Туле» с Исландией: как предполагаемый аванпост немецких беженцев, эта страна играла значительную роль в арманистской доктрине».

Взгляды Карла Хаусхофера

О мировоззрении Карла Хаусхофера мы узнаём из его книг и некоторых обрывочных фактов.

Элитарность и служение

Об элитарности взглядов Карла Хаусхофера говорит запись в его дневнике, сделанная в 1916 году во время Первой мировой войны: *«И всё-таки демократия и социальное мышление никогда не могут пересекаться на практике. Ответственность, воспитание аристократии — это отбор по принципу высокой моральной сознательности... Это единственный спасительный метод. Однако, он должен начаться с при-*

знания, что люди не являются равными. Путь к власти должны прокладывать только лучшие. Они должны заботиться о социальном управлении, не будучи одержимыми собственным «я». Они должны отказаться от самопредставления».

Нужно сразу отметить, что этот взгляд сильно отличается от взглядов Общества «Туле» на проблему элитарности. Хаусхофер фактически говорит о воспитании и высокой моральной сознательности аристократии, в то время как в Обществе «Туле» речь, прежде всего, шла о сохранении и передаче эзотерических знаний внутри элитных кругов.

Континентальный блок Германия–Россия–Япония

Хаусхофер разработал особый вариант евразийства — военно-геополитическую доктрину «Континентального блока (союза)»

(Kontinentalblocke, «Ось Берлин — Москва — Токио»), который должен был объединить государства Евразии — Испанию, Италию, Францию, Германию, Россию и Японию — в качестве Восточного противовеса и альтернативы Западному англосаксонскому миру — Британской империи и США.

Действительно, Хаусхофер старательно разрабатывал и теоретически обосновывал в своих трудах возможность создания континентального блока, который позволил бы раз и навсегда одолеть геополитических противников Германии — США и Англию. В частности, в своей статье «Континентальный блок: Берлин-Москва-Токио» он пишет следующее: *«Так, Брук Адамс, один из наиболее замечательных и прозорливых специалистов в области экономической политики ... указывал на то, до какой степени будет поставлена под угрозу возрастающая англицизация мира, если через проведение обширной железнодорожной трансконтинен-*

тальной линии с конечными пунктами в Порт-Артуре и Циндао будет достигнуто грандиозное германо-русско-восточно-азиатское объединение — единственное объединение, против которого окажутся бессильными какие бы то ни было попытки английской, американской или даже объединённой блокады. Итак, не кто иной, как наш противник (Хаусхофер прямо называет противниками Англию и США. — Н. П.) придаёт нам уверенность в том, что прочный континентальный блок одержит верх над «политикой анаконды» в экономическом, военном, морском и стратегическом плане — ту уверенность, которую мы с радостью отметили при второй попытке удушения Старого Света».

При этом Хаусхофера в вопросе геополитики и организации континентального блока ни в коей мере не смущает отсутствие чистого арийского происхождения у японцев. А взгляд его направлен прежде всего на внешнюю политику государства, нежели на внутреннюю. Впрочем, о внут-

ренней политике он тоже кое-что говорит в своей работе 1927 года «Границы в их географическом и политическом значении»: *«Германия хочет надеяться вновь занять место, подобающее ей соответственно численности её населения, а также культурным, военным и хозяйственным (но, увы, не политическим) достижениям среди народов, к которым она теперь уже не относится из-за недостатка силы, пространства и самоопределения».*

Отметим, что мы снова не видим никаких пересечений со взглядами Общества «Туле».

Жизненное пространство и культурная экспансия

Принято считать, что фундаментом для построений Хаусхофера было мальтузианское понятие «жизненного пространства», причём задачу каждого государства он видел в расширении этого пространства. Отсюда выводилась необхо-

димность экономической самодостаточности (автаркия), культурной экспансии и поглощения небольших государств, которые, будучи неспособными проводить самостоятельную внешнюю политику, лишь дестабилизируют международные отношения.

Вопрос культурной экспансии, по всей видимости, имел решающее значение для Хаусхофера, так как большую часть своей жизни он посвятил деятельности в структурах, занимавшихся культурной экспансией в зарубежных странах. Речь идёт, прежде всего, об «Организации зарубежных немцев» и Немецкой Академии (нынешний Институт Гёте).

При этом в деятельности и взглядах Общества «Туле» никак не прослеживается настроенность на культурную экспансию. Более того, создаваемые Обществом кружки изучения немецкой древности носили закрытый характер, так как предназначены были для поиска и передачи эзотерических знаний.

О расширении жизненного пространства значительно больше грезил «Пангерманский союз», нежели Общество «Туле». Общество «Туле», как было сказано ранее, видело проблему вовсе не в недостатке жизненного пространства, а в мировом еврейском заговоре, которому необходимо противопоставить тайное общество — «Германенорден». В связи с чем говорить о пересечении и заимствовании идеологических и политических взглядов между Хаусхофером и Обществом «Туле» не приходится.

Заключение

В результате исследования прямых связей между Обществом «Туле» и Карлом Хаусхофером обнаружить не удалось. А те связи, которые имеются, являются опосредованными.

Более того, при сравнении мировоззренческих взглядов Общества «Туле» и Карла Хаусхофера видна существенная разница. Общество

«Туле» значительно сильнее тяготеет к антисемитизму и созданию тайных обществ, нежели Хаусхофер, который в первую очередь продвигал идею «расширения жизненного пространства». Принимая во внимание оба эти фактора, напрашивается вывод о том, что информацию о причастности Хаусхофера к руководству Обществом «Туле» вряд ли можно считать достоверной. К тому же никаких сведений, подтверждающих подобный тезис, обнаружено не было.

Если же говорить о связи Общества «Туле» с расцветом национал-социализма, то можно сказать, что благодаря деятельности Общества «Туле» будущая партия Гитлера появилась на свет, получила в своё распоряжение печатный орган в виде газеты «Мюнхенский обозреватель», получила преданных боевых друзей из добровольческого корпуса «Оберланд» и будущих членов из рядов самого общества.

Хаусхофер же, несмотря на свои множественные возможности в области внутренней полити-

ки, интересовался прежде всего внешней. Видимо, такое предпочтение во вкусах было связано с его принадлежностью к кругам внешней разведки Баварии (такой вывод можно сделать, если учесть, что Хаусхофер ездил в Японию с этими целями, а во-вторых, в течение своей жизни имел отношение к организациям, занимающимся шпионажем). Этим же объясняется его интерес к таким «культурным» организациям, как «Союз немецких школ», «Объединение зарубежных немцев», Немецкая Академия.

В качестве иллюстрации приведём пример возможных связей между Обществом «Туле» и Хаусхоферами.

Из представленной схемы видно, что наиболее перспективными направлениями для дальнейших исследований является смычка «Хаусхофер — Виттельсбахи — Туле», а также «Хаусхофер — военные круги — Туле». Теоретически, связь между Хаусхофером и Обществом «Туле» могла существовать, но не настолько сильная,

чтобы можно было говорить об участии Хаусхофера в качестве её руководителя.

Николай Пак

Политическая война

Падение Кхмерской республики

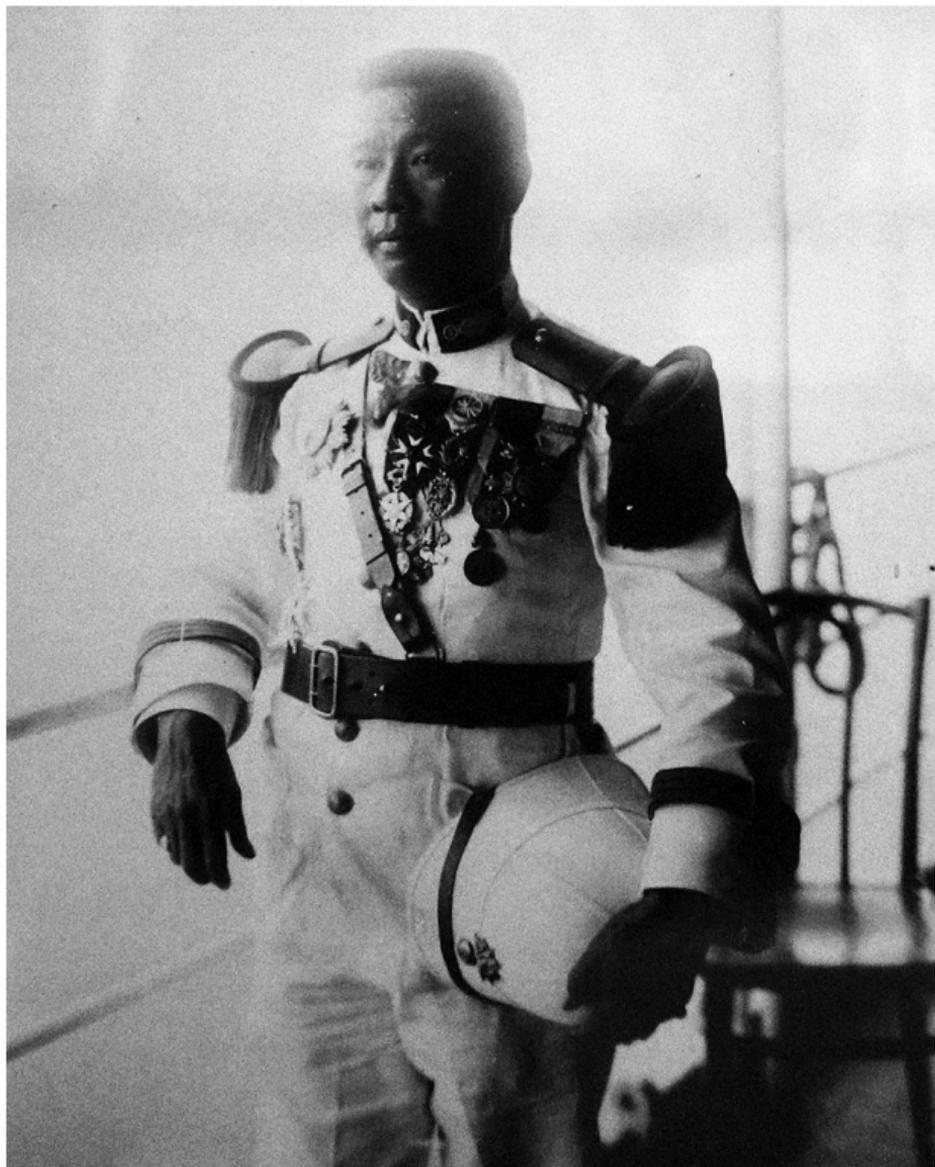
Большинство бывших учеников Салот Сара не могли впоследствии поверить, что преступления против человечности, в которых его в будущем обвинят, мог совершить столь приветливый человек

Красные кхмеры

Король Сисоват I

Король Сисоват Монивонг

Король Нородом Сианук

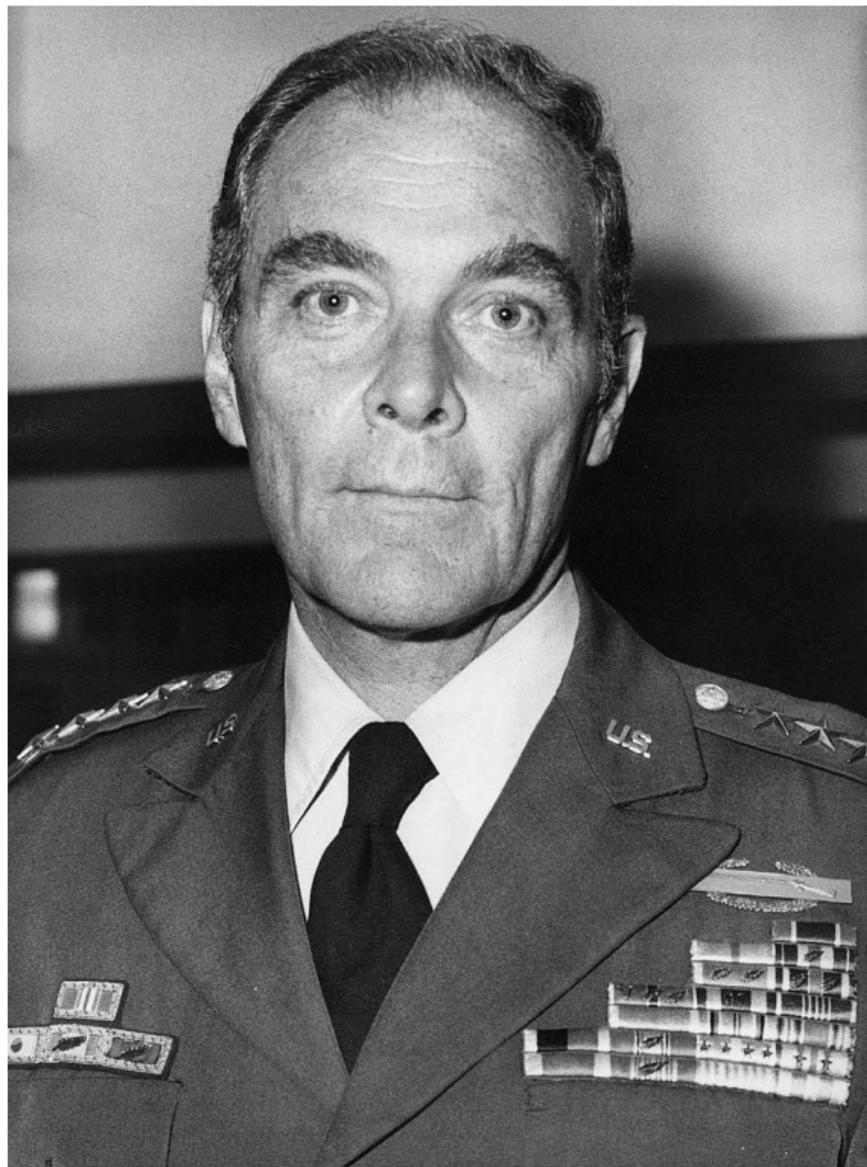
Генерал Лон Нол

Президент Лон Нол

Красные кхмеры

Александр Хейг

Генри Киссинджер, 1972

Президент США Ричард Никсон объявляет об вторжении в Камбоджу. 30 апреля 1970 г.

Пол Пот

Пол Пот

Деревня, в которой родился Пол Пот

Иенг Тирит

Введение

Следствием распада старых колониальных империй в середине XX века стало обретение независимости рядом стран Индокитая: от Великобритании отделились Индия и Бирма, от Франции — Вьетнам, Лаос и Камбоджа, от Португалии — Гоа, Диу и Даман, от Голландии — Индонезия, от США — Филиппины, от Японии — Тайвань и Корея. Во многих странах борьба за независимость обернулась огромной кровью. К тому же в регионе столкнулись как геополитические интересы мировых держав (США, Китая и СССР), так и разные идеологии.

В Камбодже выбор дальнейшего пути развития характерен тем, что основными действующими лицами идеологического конфликта были люди, так или иначе причастные к элите данной страны, но при этом имеющие разные взгляды на её будущее. Считается, что в Камбодже в этой непримиримой борьбе было пролито больше

крови по отношению к численности населения страны, чем во всех других странах Индокитая.

В данной работе рассматривается период до взятия столицы Камбоджи Красными кхмерами во главе с Салот Саром (Пол Потом) 7 апреля 1975 года. К тому времени страна уже была обильно полита кровью. Только за период с 1965 по 1975 годы в ходе бомбардировок авиацией США сельских регионов страны было сброшено около 2,75 млн тонн бомб.

Утрата независимости и французский протекторат

Пытаясь уберечь страну от захвата Сиамом, 11 августа 1863 года король Камбоджи Нородом I Анг Водей (правил в 1860–1904 годах) подписал тайный договор о французском протекторате над Камбоджей. 3 марта 1864 года, несмотря на противодействие Сиама, французские войска заняли столицу, и над королевским дворцом был водружён французский флаг. Договор о протекторате

был ратифицирован. С этого момента Камбоджа фактически стала колонией Франции.

В 1866 году столица страны была перенесена в Пномпень. В 1867 году Камбоджа была разделена между Францией и Сиамом (Сиам получил провинции Баттамбанг и Ангкор), однако в начале XX века, по итогам франко-сиамских войн и последующих договоров, эти провинции были возвращены.

Ещё в конце 70-х годов XIX века под давлением Франции в Камбодже были осуществлены политические реформы, существенно ограничившие власть короля. В частности, был учреждён Верховный суд, однако, как и в любой колониальной стране, его юрисдикция не распространялась на европейцев. В то же время концентрация властных полномочий в руках колониальной администрации вызывала недовольство населения, и в начале 80-х годов XIX века по стране прокатилась волна восстаний, жёстко подавленных.

Наконец, 17 октября 1887 года Камбод-

жа официально вошла в состав Индокитайского союза — объединения колониальных владений Франции в Индокитае, которым руководил генерал-губернатор. И хотя королевская власть в Камбодже сохранилась, фактически король оказался марионеткой французской колониальной администрации.

Французской администрации принадлежали фискальные функции, что привело к полной финансовой зависимости королевской власти от французских резидентов. С 1897 года король был лишён и рычагов государственного управления — его указы получали силу лишь после утверждения французского наместника. В распоряжении короля оставалась лишь власть главы буддистского духовенства.

Впрочем, французское влияние несло и определённые позитивные изменения: в Камбодже ещё в конце 70-х годов XIX века было отменено пожизненное рабство, создавались рыночные экономические и юридические институты.

После смерти короля Нородома I престол должен был занять наследный принц Юкэнтор, сын Нородома I. Однако он был отстранён от наследования в связи с антифранцузской деятельностью, а власть перешла к Сисовату I (правил в 1904–1927 гг.) — сыну короля Энга Дуонга и сводному брату принца Сайа Воты и короля Нородома I Анг Водея. Новый король полностью подчинялся французскому генерал-губернатору — его двор находился на содержании последнего, а страной фактически правил кабинет министров, возглавляемый французским наместником.

В 1913 году в Камбодже появились первые институты парламентаризма: была учреждена так называемая Консультативная ассамблея с процедурой избрания части её членов. Тогда же законодательно было установлено равенство кхмеров и европейцев. Франция старалась развивать городскую и транспортную инфраструктуру, совершенствовать системы образования

и здравоохранения. Так, в 1911 году был учреждён королевский лицей — первое светское образовательное учреждение, носившее имя Сисовата (а затем и последующих королей).

С появлением в преимущественно крестьянской Камбодже промышленных предприятий зародился рабочий класс, что привело к росту национального самосознания. Если поначалу главным актом сопротивления оказывались крестьянские восстания в ряде провинций, то на рубеже 30-х годов уже появилось забастовочное движение. В 1930 году в Индокитае была создана коммунистическая партия, а с 1935 года началось объединение национально-освободительных групп вокруг молодого лидера Сон Нгок Тханя. В этот период королём Камбоджи был Сисоват Монивонг — второй сын короля Сисовата I (примечательно, что одна из наложниц короля Монивонга приходилась родной сестрой Салот Сару — Пол Поту).

Сплочение национально-освободительных

сил и рост сопротивления вынудили французскую администрацию пойти на многочисленные уступки. В 1940 году Консультативная ассамблея была заменена Палатой народных представителей, все её депутаты избирались. Однако процесс перемен был остановлен началом Второй мировой войны.

23 апреля 1941 года скончался король Сисоват Монивонг. Новым королём, с одобрения вишистского правительства, был избран его внук по материнской линии Нородом Сианук. В ходе войны на колонию потерпевшей поражение Франции претендовал Таиланд, за спиной которого стояла Япония. Затем Япония, отбросив щепетильность, сама оккупировала территорию Камбоджи, превратив её в свою военную базу. Поначалу хотя бы формально французский протекторат признавался, но в начале 1945 года Япония полностью распустила французскую администрацию. Новая метрополия создала в Камбодже националистическое правительство во гла-

ве с Сон Нгок Тханем, которое просуществовало лишь несколько месяцев. После поражения Японии во Второй мировой войне французские войска вновь заняли территорию Камбоджи, а правительство Сон Нгок Тханя было арестовано.

Так французская административная власть в стране была восстановлена, правда, на более мягких основаниях — в 1946 году между Францией и правительством короля Нородома Сианука был заключён временный договор об автономии в рамках Индокитайской Федерации.

С этого момента в Камбодже началась активная политическая жизнь. В сентябре 1946 года состоялись выборы в Народную палату, на которых победила профранцузская Демократическая партия Камбоджи. Правительство страны возглавил принц Ютевонг. В 1947 году была провозглашена конституция Камбоджи. Проведённые на её основе выборы в Национальное собрание также выиграла Демократическая партия.

В свою очередь, укреплялись и силы наци-

онального сопротивления — в стране возникло прокоммунистическое партизанское движение «Кхмер Иссарак», поставившее своей целью полное освобождение Камбоджи. Не имея сил противостоять партизанскому движению, Франция оказалась вынуждена начать переговоры о предоставлении Камбодже независимости. В ноябре 1949 года был подписан договор, согласно которому Франция признавала Камбоджу независимым государством, а Камбоджа, в свою очередь, добровольно присоединялась к Французскому союзу.

Такая полумера не удовлетворила ни национально-освободительное движение страны, ни большинство членов Национального собрания. В итоге под нажимом Франции Национальное собрание было распущено, а «Кхмер Иссарак», которое контролировало часть территории страны, продолжило сопротивление. В апреле 1950 года был созван Конгресс народных представителей, на котором образован

Национальный фронт Камбоджи, предпочтительные позиции в котором занимали коммунисты, объединившиеся в феврале 1951 года в Народно-революционную партию Камбоджи (НРПК). Третьей силой, ставшей в оппозицию как официальной власти, так и Национальному фронту, оказались националисты во главе с их лидером Сон Нгок Тханем. Националисты создали на территории Таиланда антикоммунистическую и антифранцузскую боевую организацию «Кхмер Серей».

В стране фактически началась гражданская война. В этих условиях король Нородом Сианук в январе 1953 года распустил Национальное собрание и ввёл чрезвычайное положение. Одновременно он заявил, что его целью является полная независимость страны — это позволило ему замирился с повстанцами.

К тому же сам Сианук отчасти разделял националистические и социалистические взгляды. В мае 1953 года он сделал принципиальный

шаг — отправился в добровольное изгнание в Таиланд, объявив, что не вернётся, пока Камбодже не будет возвращена независимость. В итоге Франции пришлось согласиться на прекращение деятельности французской администрации в Камбодже, о чём и было официально объявлено 9 ноября 1953 года. В тот же день из Пномпеня были выведены французские войска. Этот день официально считается Днём независимости Камбоджи.

Впрочем, на части камбоджийской территории французские и вьетнамские войска оставались ещё около года, а Камбоджа формально входила в состав Французского союза. Окончательно иностранные войска покинули страну лишь в результате решений Женевской конференции 1954 года, а 25 сентября 1955 года Камбоджа заявила о выходе из Французского союза. Таким образом, независимость страны была полностью восстановлена.

Реформы Нородома Сианука

Воодушевлённый достигнутыми успехами и желая реально заняться политической деятельностью, молодой король Нородом Сианук сложил с себя королевские полномочия и 2 марта 1955 года отрёкся от престола в пользу своего отца Нородома Сурамарита. На самом же деле Сианук фактически продолжал управлять страной, поскольку возглавлял кабинет министров и министерство иностранных дел.

Нородом Сианук замыслил радикальные изменения в государственном управлении и экономике, ради этого он пошёл на беспрецедентный для члена королевской семьи шаг — образовал левоцентристское общественно-политическое объединение Народное социалистическое сообщество («Сангкум»). Под знамя «Сангкум» собрались почти все политические организации страны (кроме Демократической партии и прокоммунистической группы «Праче-

ачун»). Объединяющей идеей стало построение в Камбодже национально-буддистского демократического социализма при сохранении монархии. Несмотря на эклектичность, эта политическая доктрина уже к 1960 году привлекла к Сиануку около миллиона кампучийцев. Однако избежать внутренних противоречий в «Сангкум» не удавалось, из-за чего часто менялись правительственные кабинеты. Почти при всех сменах кабинета во главе правительства оставался сам Сианук (1955–1956, 1956, 1957, 1958–1960, 1961). Несмотря на чрезвычайное доверие, которым пользовался Сианук, в 1959 году проамериканскими силами и при поддержке США была предпринята неудачная попытка государственного переворота (Бангкокский заговор Сам Сари и сторонников «Кхмер Серей» во главе с Сон Нгок Тханем).

После смерти в апреле 1960 года отца, короля Нородома Сурамарита, Сиануку вновь было предложено занять престол с широкими полно-

мочиями. Однако он отказался и через поправки в конституцию установил новую процедуру, титул и атрибутику избрания главы государства с помощью прямых выборов. В июне 1960 года, согласно новой процедуре, Народом Сианук был избран главой государства подавляющим большинством голосов.

Во внутренней политике Сианук провёл ряд глубоких социально-экономических реформ, а в международных отношениях в условиях холодной войны избрал политику неприсоединения, пытаясь сохранять дружественные отношения как с СССР и социалистическими странами, так и со странами западного блока. При этом сам Сианук тяготел к соцлагерю, укрепляя дружественные отношения с СССР и КНР (последние, впрочем, ухудшились после начатой Мао Цзэдуном «культурной революции»). Отношения же с США становились всё хуже. В ноябре 1963 года, возмущённый вмешательством США во внутренние дела стран Индокитая, Сианук отказался от аме-

риканской помощи, а в 1965 году при поддержке Китая вообще разорвал дипломатические отношения с США. Особые отношения сложились с борющимся против США Вьетнамом — Сианук заключил секретные договорённости с представителями Северного Вьетнама и Китая о предоставлении камбоджийской территории для переброски войск и снаряжения, а также размещения баз Демократической республики Вьетнам и НФОЮВ.

В 1966 году на выборах в парламент победу одержало правое крыло «Сангкум», а генерал Лон Нол стал премьер-министром Камбоджи.

Главными приоритетами Лон Нола в качестве премьер-министра были стабилизация экономики и остановка незаконной продажи риса коммунистам. Он направил войска к рисоводческим зонам, чтобы с помощью армии вынудить крестьян продать урожай правительству по минимальной цене. Визит, нанесённый Лон Нолом в провинцию Баттамбанг, побудил местную администра-

цию к более жёстким действиям по отношению к местному населению. Всё это привело к росту протестных настроений по всей стране.

11 марта 1967 года, во время визита принца Сианука во Францию, в провинции Баттамбанг начался мятеж (с участием местных коммунистических ячеек). Восстание быстро распространилось на другие регионы. Лон Нол с согласия принца объявил военное положение. В результате действий камбоджийской армии сотни крестьян были убиты и целые деревни стёрты с лица земли.

По возвращении в Камбоджу Сианук обнаружил широкий протест против действий Лон Нола, который как раз в этот момент был госпитализирован. Сианук встретился со студентами левых взглядов, вышедшими на демонстрации против Лон Нола в столице. Они требовали распустить правительство Лон Нола, провести новые выборы в Законодательное собрание, снизить цены на продукты первой необходимости и вывести

войска из Баттамбанга. В мае 1967 года Сианук вынужден был отправить Лон Нола в отставку с поста премьер-министра, после чего тот уехал долечиваться во Францию. Сианук сформировал новый кабинет, состоящий из приверженцев монарха и аполитичных специалистов разных областей. Однако в мае 1968 года Лон Нол возвратился в правительство в качестве третьего вице-президента, а в июле стал вице-президентом.

В условиях ухудшающейся экономической ситуации, усугублённой засухой 1969 года и переходом кхмерских коммунистов к вооружённой борьбе против режима, Сианук пошёл на компромисс с консервативными руководителями армии, по большей части правыми и проамериканскими. Поэтому логично было назначение генерала Лон Нола премьер-министром во вновь сформированном «правительстве спасения» в августе 1969 года. Сианук воспринимал генерала как человека лояльного, надёжного, серьёзного, имеющего здравый смысл и предпочи-

тающего действия речам.

Признаки поправения Сианука становились всё явственнее. В конце 1969 года Лон Нол вновь уехал лечиться в клинику Neuilly на Сене. Вскоре к нему присоединился Нородом Сианук. Предполагается, что там они заключили соглашение, согласно которому Лон Нол должен готовить «спонтанные» антивьетнамские демонстрации, в то время как Сианук отправился бы в Советский Союз и в Китай с просьбой оказать давление на Вьетконг, чтобы сократить масштабы его присутствия на кхмерской территории.

По возвращении в Камбоджу в середине февраля, Лон Нол вывел из оборота купюры номиналом в 500 риелей (\$10), которые использовались Вьетконгом для закупки снаряжения в Камбодже. Некоторые источники считают, что в результате этой акции убытки коммунистов превысили 70 миллионов долларов. В феврале камбоджийская армия начала атаковать некоторые из убежищ вьетконговцев в Камбодже. Также были на-

лажены контакты с лидером националистов Сон Нгок Тханем, много лет жившем в Южном Вьетнаме и занимавшемся подготовкой добровольцев для службы Сайгону и ЦРУ. Эмиссары Сианука были направлены к нему в 1969 году с целью узнать, готов ли он помочь правительству Камбоджи в случае «коммунистического нападения на Пномпень». После консультации с «американскими друзьями» Сон Нгок Тхань согласился предоставить свою помощь. Несколько сотен хорошо подготовленных пехотинцев были направлены в Пномпень, где Сианук приветствовал их с распростёртыми объятиями. Монарх не видел в этом никакого риска, думая, что антагонизм между Сон Нгок Тханем и Лон Нолом не позволит им сформировать альянс против него.

8 марта 1969 года инспирированные антивьетнамские демонстрации прошли в приграничных провинциях юго-востока страны. 11 марта в Пномпене толпой были разгромлены посольства временного революционного прави-

тельства Южного Вьетнама и Демократической Республики Вьетнам. Лон Нол принёс извинения за разорение посольств, однако потребовал от вьетнамских войск, находящихся в Камбодже, в течение 3 дней покинуть территорию страны. Этот нереалистичный и потому провокационный ультиматум привёл в бешенство Сианука, который в тот момент находился с визитом в Париже. Из посольства кхмерского королевства в Париже Сианук заявил о своём намерении по возвращении в Пномпень наказать виновников.

Правый переворот и Республика Камбоджа

18 марта 1970 года, во время визита Сианука в Москву, премьер-министр Лон Нол экстренно созвал Национальное собрание, которое вынесло решение об отстранении Сианука от власти. Иностранные СМИ впоследствии предполагали, что реальным организатором переворота был принц Сисоват Сирик Матак. Утверждалось,

что для того, чтобы окончательно убедить Лон Нола в необходимости переворота, Сирик Матак предоставил ему запись пресс-конференции Сианука в Париже, на которой тот пригрозил их обоих выгнать после возвращения в Пномпень.

Впоследствии Сианук утверждал, что его двоюродный брат был основной силой переворота, а сам план переворота, подготовленный в ЦРУ, он предложил Лон Нолу уже в 1969 году. Как утверждает историк Бен Киернан, в марте 1969 года Сирик Матак предлагал Лон Нолу убить Сианука, но тогда тот отверг этот план. Председатель Национальной Ассамблеи Ченг Хенг был назначен временно исполняющим обязанности главы государства, а Лон Нол в качестве премьер-министра был наделён чрезвычайными полномочиями. Новое правительство безотлагательно было признано США.

Ален Клемент, корреспондент газеты «Монд» в Вашингтоне, 20 марта утверждал, что «администрация, осуществляющая вывод американско-

го экспедиционного корпуса из Вьетнама, должна выиграть из-за установки явно проамериканского режима в Пномпене».

Большинство горожан, принадлежащих среднему классу, поддержало смену в целом левого правительства Сианука. Военные также обрадовались перспективе возвращения военной и финансовой помощи от американцев. Однако вьетнамские коммунисты отказались покидать территорию Камбоджи, и Лон Нол обратился за помощью к американо-южновьетнамским силам.

23 марта Сианук из Пекина, где он получил убежище, обратился с призывом к восстанию и призвал всех камбоджийцев присоединиться к национальному единому Фронту Кампучии, который он собирался создать в ближайшее время. Помимо его сторонников НФ должен был включить также его бывших врагов — «Красных Кхмеров». Его призывы получили мало откликов в крупных городах, но в сельской местности и особенно в смежных с контролируруемыми вьет-

намцами зонах прошли массовые манифестации и бунты. Во время бунта в Кампонгтяме 29 марта толпа в гневе зверски убила брата Лон Нола — Лон Нила.

Около тысячи крестьян, начавших поход на столицу с требованиями восстановления Сианука, были рассеяны армией ценой многочисленных жертв. В начале апреля для подавления бунтов в провинциях Лон Нол начал призыв добровольцев с целью усиления камбоджийской армии. Циркулирующие слухи о возможном северо-вьетнамском наступлении на Пномпень вызвали жестокие гонения против 400 000 вьетнамцев, живущих в Камбодже. Лон Нол надеялся использовать их как заложников в конфликте с Северным Вьетнамом. Военные начали осуществлять массовые аресты с целью размещения вьетнамцев в концентрационных лагерях. Всё это происходило на фоне массовых убийств вьетнамцев в городах и деревнях. Лон Нол заключил соглашение с Сайгоном о доставке

почти полумиллиона вьетнамцев на их родину. В дальнейшем эти бесчинства способствовали плохому отношению южновьетнамских войск к кампучийцам, которые правительство Пномпеня призывало на помощь в 1970 и 1971 годах. Когда Лон Нол приносил извинения южновьетнамскому правительству, он сказал, что *«в большинстве случаев, было трудно сказать, мирные ли это вьетнамцы или вьетконговцы»*.

Слабая камбоджийская армия быстро показала свою неспособность сдерживать стремительный рост Вьетконга и Фронта Сианука, несмотря на поддержку артиллерии Южного Вьетнама. Поэтому американское правительство в конце апреля начало боевые действия на востоке Камбоджи. Лон Нол был поставлен перед фактом нарушения суверенитета Камбоджи. После начала военной операции Вашингтоном был послан в Пномпень Александр Хейг.

Он информировал Лон Нола, что текущие боевые действия будут ограничены тридцатикило-

метровой зоной за вьетнамской границей и закончатся в конце июня. Цель операции — разрушение баз вьетконговцев на территории Камбоджи. В последующем США обещали предоставить экономическую и военную помощь для борьбы с партизанским движением. Такое заявление соответствовало новой американской политике, в соответствии с которой США собирались уйти из Вьетнама (она фигурировала в избирательной программе Ричарда Никсона).

В то время как мятеж охватил несколько провинциальных столиц, Лон Нол хвастался своей дружбой с президентом Никсоном и приглашал своих соотечественников присоединиться к армии и знакомиться с «оккультными науками, практиковавшимися нашими предками, которые позволяют ускользнуть от огня врага». Эти науки включали магические формулы, амулеты, астрологию. Многие камбоджийцы верили в эти наставления и спешили сделать себе татуировки с религиозными символами и получить амулеты

и ножи с вырезанными магическими формулами.

Воодушевлённый поддержкой американцев, Лон Нол в начале сентября лично возглавил военную операцию «Ченла I» (в память о почти мифическом предшественнике Королевства Камбоджи). Его цель состояла в том, чтобы снять изоляцию города Кампонгтхонга. В начале ноября операция была завершена и представлена как блестящий успех Лон Нола.

Плохая боеспособность камбоджийской армии стала очевидной 22 января 1971 года, когда группа вьетконговцев проникла в пригороды Пномпеня и в течение четырёх часов обстреливала миномётным огнём аэропорт Почентонг, а затем без потерь отступила. Оптимизм Лон Нола был похоронен вместе с атакой на аэропорт. В феврале, после речи на ассамблее, в которой он доложил о политическом и военном положении, его разбил паралич, затронувший всю левую сторону его тела. Лон Нол был эвакуиро-

ван в госпиталь в Гонолулу и оставил Сисовата Сирик Матака временно исполнять обязанности премьер-министра. Заговоры с целью отстранения Лон Нола от власти начались сразу после его эвакуации и не прекращались в течение последующих четырёх лет. На Гавайских островах Лон Нола регулярно посещал главнокомандующий американскими тихоокеанскими силами адмирал Маккейн, разделявший его антикоммунистические убеждения и считавший коммунистов врагами религии. Лон Нол информировал адмирала о своём намерении по возвращении созвать буддистскую конференцию с представителями Бирмы, Лаоса и Таиланда с целью обсуждения коммунистической угрозы. Лон Нол обратился к Маккейну с предложением, чтобы США построили заграждение возле реки Меконг на севере Стоенг Тренга, с целью блокировать северо-вьетнамские вторжения в Камбоджу. Он просил Маккейна пролоббировать в правительстве США идею направления американских во-

оружённых сил для охраны данных заграждений, чтобы в случае атаки интернационализировать конфликт. Маккейн передал его запрос наверх.

В апреле 1971 года Лон Нол возвращается в Камбоджу. *New York Times* посвятила ему статью, в которой он описан следующим образом: *«Он не читает газет, никогда не слушает радио, не смотрит телевидение и не использует телефон».*

Ещё до своего полного выздоровления Лон Нол просил Сирик Матака действовать *«так, как если бы он был за границей».* Вскоре Лон Нол подаёт в отставку с поста премьер-министра, тем самым провоцируя политический кризис, выявивший антагонизм между Сирик Матаком и парламентом. Приняв его отставку, Национальное собрание присвоило Лон Нолу звание маршала. В дальнейшем Лон Нол, играя на противоречиях между различными группировками в парламенте, мешает всем попыткам сформировать новое правительство. В результате через месяц

Лон Нол восстанавливает свои позиции в правительстве как единственный политик, стоящий над политической схваткой.

В августе, в то время как Сирик Матак наносил визит в США, Лон Нол разрабатывает план наступления «Ченла II», чтобы вновь открыть дорогу между Кампонгтхомом и Пномпенем, снова заблокированную вскоре после завершения операции «Ченла I». Операция «Ченла II» полностью копировала предыдущую и служила интересам США.

16 октября, по истечении пятилетнего мандата ассамблеи, глава государства Ченг Хенг публикует декрет, в котором двухпалатная система заменяется единственной ассамблеей. Лон Нол формирует новое правительство, настаивая в своей речи на необходимости прекратить «бесплодный набор истоптанной либеральной демократии».

Одновременно осуществляется операция «Ченла II». Войска повторно деблокируют до-

рогу между Пномпенем и Кампонгтхомом. Событие было отмечено в Пномпене как яркая победа. Тем не менее, присутствие армии ограничивалось только дорогой. Как с издёвкой заметил генерал Крейтон Абрамс, *«они открыли фронт восемьдесят километров длиной и шестьдесят сантиметров шириной»*.

В конце октября 1971 года мятежники предприняли крупную атаку на позиции правительственных войск, расквартированных с начала операции «Ченла II» возле Национальной дороги № 6. На стороне коммунистов было около 50 тыс. человек, среди которых несколько тысяч — под командованием Коммунистической партии Кампучии (КПК). Атаки на востоке сдерживались южновьетнамскими силами, но наступление на позиции правительственных войск возле Национальной дороги № 6 усилилось, и в целях предотвращения больших потерь Лон Нол 1 декабря был вынужден отступить. Более 3 000 лучших бойцов камбоджийской армии были убиты

и тысячи ранены. Лон Нол оправдывал поражение отсутствием военной помощи США. Со своей стороны, американцы видели причину поражения в неумелом командовании армией маршала Лон Нола. Американский посол Эмори Кобленц Сванк телеграфировал в Вашингтон: *«Военные операции, осуществляемые Лон Нолом, рискованны и абсолютно лишены любой координации»*. Но из Вашингтона ему тогда посоветовали воздержаться в будущем от публичной критики Лон Нола.

Поражение имело свои политические последствия: по Пномпеню распространялись слухи о смещении правительства. Лидер националистов Сон Нгок Тхань, возвратившийся в Камбоджу, открыто заявлял, что он согласился бы снова занять пост премьер-министра Камбоджи, который он уже ранее занимал в 1945 году. Сирик Маттак и глава государства Ченг Хенг попытались убедить Лон Нола отказаться от командования армией, но тот остался непреклонным.

В начале 1972 года положение стабилизировались, в основном благодаря американским бомбардировкам баз и путей снабжения партизан. Но многие в Пномпене считали, что война была проиграна, и надеялись на переговоры с Сиануком. Синуак отклонил попытки переговоров — на радость Лон Нолу, не хотевшему примирения. Война продолжалась ещё три года. Сотни тысяч беженцев стекались к Пномпеню, где влачили жалкое существование. Американский историк и специалист по Камбодже Давид Поттер Чандлер оценивает гражданские потери за период с 1970 по 1975 год минимум в полмиллиона человек. Тысячи молодых камбоджийцев присоединились к рядам сопротивления, а сотни тысяч других заботились лишь о своём выживании. В стране шёл небывалый рост коррупции. Лон Нол назначил своего личного врача министром торговли, а его родной брат манипулировал, подкупал и запугивал политических противников. Многие достойные граждане Камбод-

жи отказывались от участия в политике, а некоторые присоединялись к партизанскому движению. Лон Нол показал себя менее умелым правителем, чем Сианук, и стремительно терял популярность. Несмотря на слабое здоровье, он тратил немало энергии для сохранения своей власти. Он внимательно следил за Сон Нгок Тханем и пытался затмить Сирик Матака и Ин Тама. Он ссылался на древние кхмерские пророчества, считая себя избранником высших сил, считал, что его республика предвосхищает утопический период, когда «все будут равны». При этом ему удалось сохранить поддержку США и веру в личную дружбу с президентом Никсоном.

10 марта 1972 года, перед одобрением Ассамблеей проекта новой конституции, Лон Нол сообщает, что он прекращает переговоры и занимает пост главы государства, занимаемый Ченг Хенгом в течение двух прошедших лет. Настоящей целью этого кризиса власти было отстранение Сирик Матака. Лон Нол сумел отстранить его

от власти, используя как повод увольнение ректора университета Кео Анна и организовав серию демонстраций студентов (обвиняющих принца Сирик Матака в том, что он хочет восстановить монархию). Через два дня Сирик Матак ушёл в отставку, объявив о прекращении политической карьеры. Лон Нол поместил его под домашний арест якобы в целях обеспечения его безопасности.

Лон Нол назначил комиссию, ответственную за разработку новой конституции, приближённой к его идеям. Во вторую годовщину смещения Сианука он провозгласил себя президентом при сохранении должности министра обороны. Премьер-министром он назначил Сон Нгок Тханя, националистского ветерана, известного своим неприятием Сианука. Особого желания назначать Сон Нгок Тханя премьер-министром у Лон Нола не было, но все пятеро других кандидатов на этот пост (среди них были Ин Там и Ем Самбур) отклонили это предложение.

В апреле Лон Нол провозгласил новую конституцию, дающую ему широкие полномочия. Текст конституции, согласно его заявлению, «*был одобрен 96% избирателей*», в то время как на территории, контролируемой республикой, жило менее 40% потенциальных избирателей. Также он предложил назначить президентские выборы, рассчитывая, что на этих выборах у него не будет конкурентов. Но Ин Там и Кео Ан отказались сняться с выборов. Чтобы побудить избирателей выбрать его, Лон Нол заявлял, что в случае его поражения на выборах американская помощь Камбодже будет прекращена. В день голосования, 4 июня 1972 года, на избирательных участках из бюллетеней исчезли имена оппозиционеров, а в Кампонгтхоме члены семьи Ин Тама были изгнаны из своих домов. В Пномпене, где Ин Там лидировал, избирательные урны реквизировались, а все бюллетени не в пользу Лон Нола сжигались. В 23 часа, ещё до окончания подсчёта голосов, Лон Нол был объявлен побе-

дителем. Предварительные результаты, опубликованные на следующий день, отдавали 55% голосов Лон Нолу, 24% — Ин Тамму и 20% — Кео Ану. Позже Лон Нол в частном порядке признает, что за счёт манипуляций увеличил количество голосов в свою пользу на 20%. Впоследствии Ин Там вспоминал, что сразу после выборов с ним контактировал дипломат США и просил помочь Лон Нолу, чтобы легитимировать его власть и влиять на принятие государственных решений. Ин Там отклонил данное предложение, заявив что новый президент «слушает только американцев».

Перед проведением выборов в Законодательное собрание, назначенных на 3 сентября, Лон Нол внёс изменения в избирательный закон. Камбоджийская столица, ранее проголосовавшая против Лон Нола, оказывалась обделённой в пользу территорий, которые фактически уже не контролировались республикой, и весь электорат которых сводился к беженцам, проживающим в лагерях под охраной армии. Выборы

были открыты для всех, но две главные оппозиционные партии (Демократическая партия Ин Тама и Республиканская партия Сирик Матака) отказались от участия в выборах. Закономерно, что в таких условиях убедительную победу одержала Социал-республиканская партия Лон Нола. В округах, где оппозиция взяла большинство голосов, бюллетени были уничтожены, а некоторые оппозиционеры были заключены в тюрьму. Выборы президента и Законодательного собрания выявили рост недовольства правительством.

Политики в правительстве Лон Нола жили сегодняшним днём и не заботились о будущем Камбоджи. В первую очередь они заботились о собственном обогащении и продвижении своих родственников. В конце 1972 года военные специалисты утверждали, что камбоджийская армия тает на глазах. Но Лон Нол уверял, что для беспокойства нет причин, ведь доблестная американская авиация убивает *«тысячи наших врагов каждую неделю»*.

В середине ноября 1972 Генри Киссинджер сделал остановку в Пномпене для встречи с Лон Нолом и проинформировал его о ходе переговоров, начатых ещё в 1969 году в Париже между различными вьетнамскими фракциями и США. Киссинджер остался неуверен, понял ли маршал, что скоро возможно заключение мира. Сам же Лон Нол верил в то, что американская помощь будет продолжаться.

В феврале 1973 года американский вице-президент Спиро Агню нанёс визит в Пномпень. Он попросил Лон Нола в одностороннем порядке объявить о прекращении военных действий и снова привлечь Сирик Матака, Ченг Хенга и Ин Тама к управлению страной.

Президент подчинился и начал переговоры с конкурентами. Ин Там в интервью, данном Давиду Портэ Чандлеру, вспоминал, что когда Сирик Матак спросил у президента причину их приглашения на беседу, то тот пояснил, что встречается *«по просьбе наших иностранных друзей, ко-*

которые столько нам помогали». Он предложил Сирик Матаку пост вице-президента (но тот отказался) и пост своего советника Ин Таму (он сначала принял предложение, но вскоре ушёл в отставку). Тем временем протестные настроения в Пномпене возрастали, город был разрисован граффити с требованием отставки Лон Нола.

В третью годовщину смещения Сианука «демобилизованный капитан авиации» Пеш Ким Луон (друг одной из дочерей принца) угнал Т-28 на военной базе и сбросил две бомбы на место предполагаемого пребывания Лон Нола, а затем приземлился на территории, контролируемой партизанами. Пилот не попал в цель и лишь разрушил соседнее здание, занятое семьями военных (погибло 43 человека).

Днём раньше забастовка преподавателей превратилась в демонстрацию против правительства, которая была подавлена Лон Нолом. Лон Нол ввёл военное положение, расширил комендантский час и закрыл неправительственные

газеты.

В апреле 1973 года ситуация в стране уже практически не контролировалась правительством, республиканские войска уклонялись от войны и грабили свою собственную столицу, партизанское движение занимало регионы страны. США угрожали прервать любую помощь кхмерской республике, если Лон Нол не сумеет получить поддержку правительства и народа.

В это время войска Красных кхмеров успешно структурировались и перекрывали пути сообщения страны. Однако их наступление на Пномпень в июле 1973 года провалилось. Принц Сианук утверждал, что атака была прекращена из-за отсутствия боеприпасов, а американское командование в Сайгоне утверждало, что провал наступления партизан связан с массовой бомбардировкой авиации США.

В июле правительственная пресса выражала своё желание видеть постоянные рейды авиации США на Камбоджу и демократическую республи-

ку Вьетнам. Однако эти пожелания не были исполнены, а Конгресс США остановил бомбардировки. Александр Хейг заявил Ричарду Никсону: «Мы потеряли Юго-Восток Азии». На что Никсон ответил: «Боюсь, что вы правы».

Роль Салот Сара (Пол Пота) в развитии партизанского движения

Детство и юность Салот Сара

Салот Сар родился в смешанной китайско-камбоджийской зажиточной крестьянской семье. Его дедушка Фам, разбогатевший в середине XIX века, принимал активное участие в мятеже 1885–1886 годов, в котором и погиб. Отец Салот Сара носил фамилию Лот, но в результате французской колонизации изменил её на Фам Салот. Двоюродная сестра Салот Сара Меак занимала при королевском дворе статус «леди, ответственной за женщин» и являлась наложницей на-

следного принца Сисовата Монивонга, от которого родила сына Коссарака. Его родная сестра Салот Роенг танцевала в королевском балете и также стала наложницей короля Монивонга. Родился Салот Сар 19 мая 1928 года (по другим сведениям, в марте 1925 года). Имел восемь братьев и сестёр. Старший брат Суенг стал офицером при дворе короля в 1930 году.

Семья Салот в деревне Прек Сбаув (провинция Кампонгтхом) имела один из самых больших домов, а также 25 гектаров рисовых полей. Суеверие и вера в магию в то время играли очень значительную роль в камбоджийском обществе. Король Камбоджи представлялся как высшее существо. Именно в этой среде рос Салот Сар.

В 1934 году, когда Салот Сару исполнилось 7 лет, отец отправил его учиться в католическую монастырскую школу возле Пномпеня, так же, как ранее его старшего брата Шхэ. Данная школа представляла собой целую деревню, принимавшую каждый год более сотни новичков в воз-

расте от 7 до 12 лет. Школа славилась строгим религиозным воспитанием, запрещающим индивидуальность. Салот Сар провёл в школе один год и впоследствии хорошо отзывался об этом времени. Летом 1935 года он переселяется к своему старшему брату Суенгу, у которого уже живёт его другой брат Шхэ. Он поступает учиться в элитную школу *École Miche*, преподавание в которой ведётся на французском языке французскими и вьетнамскими священниками. Доступ к такому воспитанию — привилегия меньшинства камбоджийцев.

Салот Сар был плохим учеником и два раза не мог получить свидетельство о начальном образовании. В 1943 году он проваливает вступительные экзамены в престижный лицей Сисоват. В 1943 он поступает в колледж Нородома Сианука, расположенный в Кампонгтхоме. Там Салот Сар получает образование, пропитанное идеями национальной революции. В свободное время он занимается музыкой и спортом. Несмотря

ря на рост антиколониальных настроений, Салот Сар не интересуется политикой. Но, как и всё его поколение испытывает вековую ненависть к вьетнамцам, которая усиливается пропорционально количеству вьетнамцев во властном колониальном аппарате. В марте 1945 года, в связи с вмешательством японских войск в Индокитае Салот Сар прерывает учёбу и в составе любительской театральной труппы покидает Кампонг-тхом.

После возобновления занятий в школе Салот Сар берётся за учёбу. В 1947 году он успешно поступает в лицей Сисоват в Пномпене. В то время как его друзья и товарищи понемногу знакомятся с политикой, он ею по-прежнему не интересуется. В 1948 году он не смог получить свидетельство об окончании неполной средней школы и был вынужден направиться в техническую школу на севере Пномпеня (в «угнетающей, жестокой атмосфере»). Он слушает лекции в столярной мастерской. Годом позже, успешно полу-

чив технический аттестат, Салот Сар в составе пяти учеников школы получает правительственную стипендию и отправляется учиться во Францию. В августе 1948 года по этому поводу была устроена официальная церемония с участием короля Нородома Сианука. 1 октября 1949 года, после продолжительного путешествия они прибывают в Париж. Салот Сар записывается во Французскую школу радиотехники, чтобы слушать лекции по радиотехнике.

Французский период жизни Салот Сара

Временно поселённые в общежитие камбоджийские студенты должны были сами найти себе жильё. Салот Сару помогает найти квартиру принц Сисоват Сомонопонг. Он поселяет его на улице Амиот с двумя сыновьями губернатора провинции Кратъэх.

Салот Сар, несмотря на своё членство в Ассоциации кхмерских студентов Франции, всеце-

ло посвящает себя учёбе. Но летом принимает приглашение Ассоциации кхмерских студентов и едет волонтером в Югославию в составе так называемых международных добровольческих «рабочих бригад». В конце декабря 1950 года Салот Сар начинает посещать марксистские кружки, организованные Кен Вансаком (членом исполнительного комитета ассоциации кхмерских студентов). Домашние кружки проводятся два-три раза в месяц, на них обсуждается будущее Камбоджи. В кружках помимо Салот Сара принимают участие Ратх Самоеун, Иенг Сари, Сиен Ан, Еа Сичау и Ханг Тхун Хак. Эти собрания и затягивают молодого Салот Сара в политику.

15 июня 1952 года Нородом Сианук отстранил от власти Демократическую партию (победителя выборов, прошедших 9-ю месяцами раньше) и возглавил вновь созданное правительство. Салот Сар под псевдонимом Кхмаэ Даым (истинный кхмер) энергично атаковал королевскую власть в журнале «Кхмерский студент». Он утвер-

ждал, что «королевские эдикты усиливают солидарность кхмерских студентов ...демократия — режим, к которому стремятся все народы мира; она ценна как алмаз, и не может быть сравнена ни с каким другим строем». Тон данной статьи был ближе к националистическим кругам, чем к марксистским.

Впоследствии он присоединяется к кружкам, организованным французской Коммунистической партией, на которых он знакомится с Жаком Вержесом.

Тогда у него и его сподвижников складываются первые представления о возможном будущем Камбоджи. Для слаборазвитых стран они пропагандируют полную экспроприацию крестьянства, предлагая обобществление даже личного имущества. Вместе с тем в первых публикациях Салот Сара видны следы серьёзного и вдумчивого чтения, немало ссылок на сторонников неофрейдизма, современной антропологии, заметно увлечение Бакуниным и идеями анархизма.

По некоторым данным, в начале 50-х годов Пол Пот вместе с Иенг Сари вступили в компартию Франции. Сам Пол Пот несколько своих статей опубликовал во французской коммунистической печати. В них он с одобрением отзывался о сталинской коллективизации и индустриализации в Советском Союзе в 1937–1941 и 1945–1953 гг. (стоит отметить, что после 1945 года французская компартия пережила период настоящего преклонения перед лидером Советского Союза).

Возвращение в Камбоджу

В начале 1953 года Салот Сар возвращается в Камбоджу, бросив образование так и не получив диплом. В Пномпене он с энтузиазмом рассказывал своему брату об опыте, полученном в Югославии, и хвалил заслуги СССР. Согласно воспоминаниям Кен Вансака, вернувшегося в Камбоджу до него, Салот Сар быстро оста-

вил столицу и присоединился к кхмерским силам «Иссарак» принца Шантаренсеи около Kampong Spee.

В августе 1953 года, согласно вьетнамским и камбоджийским источникам, он представился в восточных силах Вьетминя как член французской коммунистической партии. В 1981 году Иенг Тирит будет утверждать Элизабете Бекер, что вьетнамцы поручали Салот Сару унизительные задачи, например такие, как уборка туалетов. Ответственные лица Вьетминя оценили этого нового новобранца, с его приветливостью, его отношениями к королевскому дворцу и его французским воспитанием.

Подпольная деятельность в Пномпене

В 1954 французы уходят из Индокитая, и король Нородом Сианук становится главой Камбоджи. Салот Сар противится новой власти и вступает в ряды Народно-революционной партии Кам-

боджи.

В это же время Салот Сар становится преподавателем французской литературы, истории, географии в двух частных колледжах: Chamroeun Vichea и Kamruchaboth. Писатель Сот Полен, который был слушателем его лекций по французской литературе в Chamroeun Vichea в 1958 и 1959 годах, вспоминает, что Салот Сар особенно любил французских поэтов-романтиков XIX века, таких как Альфред де Виньи и Поль Верлен. Другой лицеист, изучавший историю в начале 1960 года, вспоминает о Салот Саре как о весьма популярном преподавателе с образцовым поведением. Большинство бывших учеников Салот Сары не могли впоследствии поверить, что преступления против человечности, в которых его в будущем обвинят, мог совершить столь приветливый человек.

В 1960 году на тайной встрече, проходившей с 30 сентября по 2 октября возле железнодорожного вокзала в Пномпене, Салот Сар был принят

в Центральный Комитет Трудовой партии Кампучии (новое название Народно-революционной партии Камбоджи).

Начиная с 1962 года руководство в партии постепенно переходит в руки бывших парижских студентов, среди которых Иенг Сари и Салот Сар. В июле этого же года исчезает секретарь партии Ту Самут, который скрывался на юге Пномпеня под видом батрака (вероятно, он был арестован и убит полицией министра обороны Лон Нола). После падения режима Пол Пота делались предположения, что он был причастен к его исчезновению. До конца 1962 года Салот Сар исполнял обязанности секретаря партии. В начале 1963 года городские руководители Трудовой партии Кампучии собрали тайный конгресс, в котором приняли участие 17 или 18 участников и который утвердил Салот Сара на посту Генерального секретаря.

Через несколько дней после студенческих бунтов в Сиам Рип (которые впоследствии рас-

пространились на остальную часть страны), Сианук назвал имена 34 человек, обвинив их в заговоре против правительства. В этот список вошли Иенг Сари, Салот Сар, Сон Сен и другие деятели Трудовой партии Кампучии.

Тройственный союз

Весной 1963 года Иенг Сари и Салот Сар покидают Пномпень и находят защиту у вьетнамских партизан (в лесу возле Кампонгтхома). В 1963 году Народом Сианук извиняется перед Северным Вьетнамом за поддержку, которую он ранее оказывал организации «Кхмер Серей» и проамериканским режимам в Сайгоне и Бангкоке, разрывает в начале 1964 года дипломатические отношения с США и заключает соглашение с Китаем и Северным Вьетнамом. Согласно данному соглашению, вьетнамцы могли использовать камбоджийскую территорию для организации своих баз. В начале 1965 года Салот Сар отправил-

ся в Северный Вьетнам. Впоследствии министр иностранных дел Ханоя Нгуен Цао Тхач вспоминал, что Салот Сару было предписано ограничивать борьбу против Народом Сянука только политической областью и исключать любые насильственные действия. Всё это только усилило желание Салот Сара освободиться от вьетнамской опеки.

После пребывания в Ханое Салот Сар едет в Китай, где он убеждается в совпадении своих взглядов с китайским правительством.

В сентябре 1966 года Центральный комитет меняет название Трудовой партии Кампучии на Коммунистическую партию Кампучии (КПК). Возможно, именно после поездки в Пекин Салот Сар увидел возможность освободиться от опеки вьетнамцев и решил следовать по пути, проложенному Мао.

После захвата власти Лон Нолом в начале января 1970 года, Народом Сянук принимает предложение китайского правительства, обе-

щавшего ему помощь против заговорщиков. Салот Сар утверждал, что участвовал в последующих переговорах.

Встреча между Сиануком и Фам Ван Донгом произошла 22 марта. На этой встрече они заключили союз, включающий доставку китайской помощи кхмерскому сопротивлению, созыв «конференции индокитайских народов» и подготовку во Вьетнаме войск для этой новой коалиции. Это соглашение устраивало всех. Сианук во главе Фронта Сопротивления спасал лицо, позволяющее силам КПК расти в пропорциях, на которые они не могли бы никогда надеяться. В 1978 году Салот Сар будет утверждать, что именно он предложил китайцам союз с Сиануком, и что вьетнамцы ему были признательны за то, что им позволили сражаться вместе с КПК.

В мае Салот Сар использует тропу Хо Ши Мина, чтобы возвратиться в Камбоджу. Во время его отсутствия вьетнамцы пытались вести переговоры с Сон Сенем и Иенг Сари о совмест-

ном военном командовании, которое позволило бы защитить штаб-квартиру Вьетконга (перенесённую в Кратъэх) и обеспечить материально-техническую помощь войскам, продвигающимся на юг Вьетнама, взамен военной помощи. Салот Сар в 1978 году утверждал, что КПК отказала в просьбе. Однако в сентябре штаб-квартира Салот Сара была перенесена на запад, в Пном Сантук, находящийся поблизости Кратъэх, что косвенно подтверждает заключение данного соглашения.

Падение Кхмерской республики Лон Нола

В середине марта 1975 года, когда положение республиканской армии Лон Нола казалось безнадежным, американский посол Джон Гантэр Дин и многие его коллеги из азиатских стран попытались убедить Лон Нола уйти в отставку, так как, по их мнению, это могло облегчить переговоры с будущими победителями. Но Лон Нол не вы-

казал никакого желания подчиниться. Несмотря на плохое состояние здоровья (он не расставался с тростью), Лон Нол пытался осуществлять ничего не решающие перестановки в правительстве (не трогая наиболее коррумпированных чиновников). 22 марта он получил паспорта на себя и всю свою семью. 1 апреля Лон Нол и его семья покинули Пномпень якобы для неофициального визита в Индонезию и лечения на Гавайских островах. Но все понимали, что фактически это бегство. Во время бегства Лон Нола из Камбоджи база Неак Луонг на юге Пномпеня, сопротивлявшаяся уже несколько месяцев, сдалась, открыв дорогу в столицу красным кхмерам.

7 апреля 1975 красные кхмеры берут Пномпень. Салот Сар называет себя «Братом № 1» и официально принимает псевдоним Пол Пот.

Александр Манаев

Культурная война

Михаил Глинка. Герой и Народ

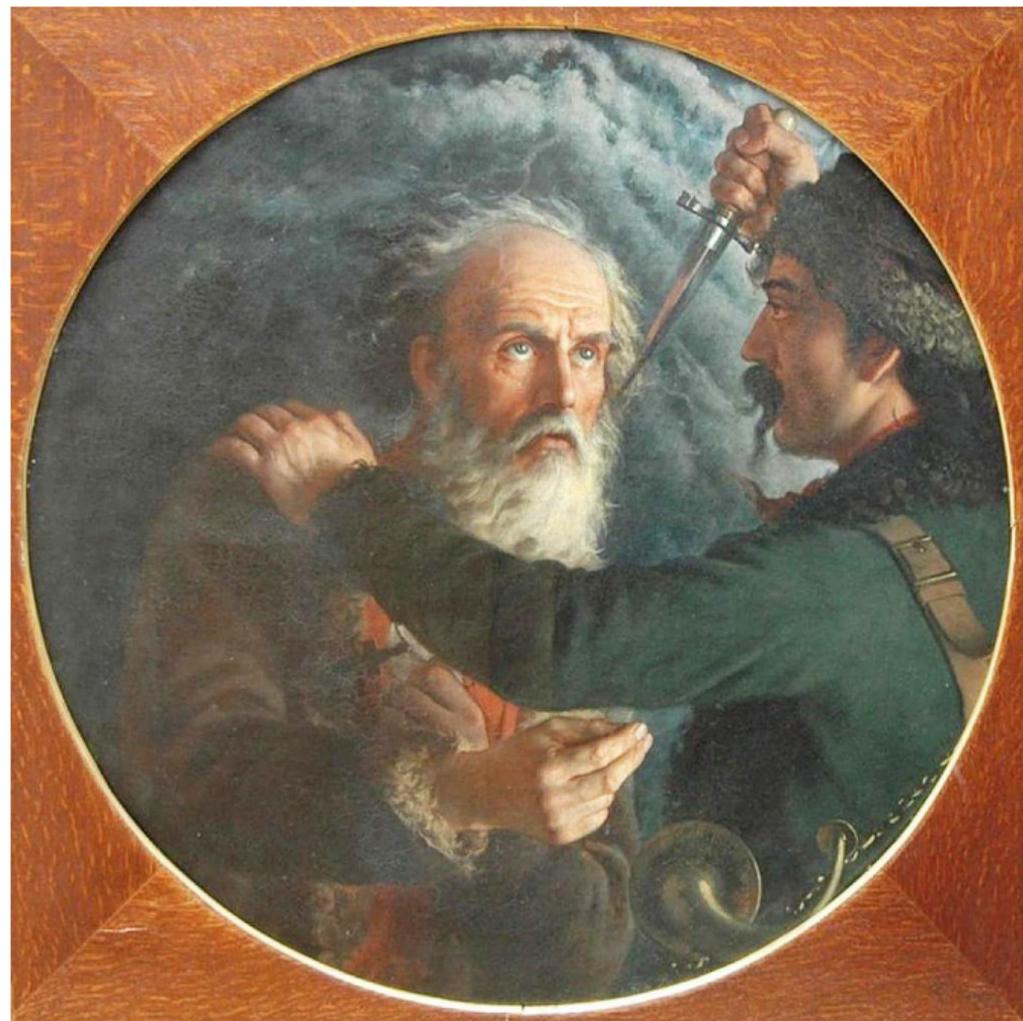
В рамках кафедры «Культурная война» идёт работа над темой «Культурный герой от древнейших времён до Новейшего времени». Мы предлагаем вниманию читателей один из текстов, написанных в рамках данного исследования

**И. Н. Крамской. «Голова» (Иллюстрация к поэме
А. С. Пушкина «Руслан и Людмила»)**

Михаил Иванович Глинка

«Иван Сусанин»

*Создаёт музыку народ. А мы, художники,
только её аранжируем.*

М. Глинка

Понятие «герой» в литературном русском языке имеет два широких неравнозначных толкования.

Во-первых, герой — это человек, совершивший подвиг. Данное понятие апеллирует к нравственности.

Во-вторых, герой — это главное действующее лицо художественного произведения. Данное понятие к нравственности не апеллирует (обсуждение второго значения не входит в нашу задачу, хочется лишь обратить внимание на факт этого совпадения, красноречивый сам по себе).

В пределах этой статьи героем (в значении, соответствующем первому определению) мы будем называть некий образец нравственного поведения и человеческого облика.

Музыкальное наследие гениального русского композитора, классика XIX века Михаила Ивановича Глинки, можно обсуждать бесконечно и совершенно с различных сторон — настолько оно интересно, живо, увлекательно и разнообразно. Для музыковедов оно просто неисчерпаемо. В нём есть всё — и Европа, и Россия, и Азия. И классические, и романтические стороны. При желании даже на одном только «польском акте» и его образах, воплощённых в опере «Иван Сусанин», можно построить полноценное музыкальное исследование на тему «Враги русского мира в творчестве Глинки», так как даже они (враги) представлены в чрезвычайно богатой музыкальной палитре.

Как-то очень естественно мы сразу перешли к опере. Несмотря на то, что перу Глинки принадлежат ещё и камерные произведения, и симфонические, и романсы, и другие вокально-

инструментальные жанры. Общеизвестно в музыковедении, что Михаил Глинка, написав всего две оперы, predetermined два основных пути её развития в русской музыке на всё последующее время.

Первый путь — народная драма (реализм) — воплощён в опере «Иван Сусанин».

Второй путь — опера-былина (сказка) — воплощён в опере «Руслан и Людмила».

Подобное основополагающее разделение оперных жанров и магистральных путей развития оперы сохраняется в традиции русского музыковедения до сих пор, несмотря на насыщенный XX век.

Образы русских воинов в операх являются у Глинки основными и в одном, и в другом случае.

Опера «Иван Сусанин»

Выбирая сюжет, Глинка мечтал воплотить замысел «народной оперы». Чем характерен жанр народной драмы? Наш выдающийся музыкальный критик Борис Владимирович Асафьев отмечал, что *«у Глинки не отдельный лейтмотив устанавливает раз навсегда характер действующего лица, а свойственная ему музыка — его «речь», его интонации, стилистически обобщённые»*. Это очень верное определение говорит о многом. Прежде всего — о стремлении композитора передать непосредственность существования героя на сцене.

Хочу добавить, что если бы опера была выстроена по принципу узнаваемых лейтмотивов, то это бы разрушило жанр драматического музыкального повествования. Такой приём сразу вызывает ощущение маски, за которой прячется герой. Ведь и виртуозные пассажи belcanto, и разнообразие музыкальных форм в XIX веке — всё

это призвано, по большому счёту, скрасить досуг просвещённого зрителя, сделать так, чтоб он гарантированно восхищался, не зевал во время представления.

Глинка, несмотря на славу «дилетанта», вполне хорошо овладел этими приёмами и с успехом использовал их в обеих операх. В чём же тогда заключено его новаторство, в чём смысл возвеличивания Глинки? Почему мы имеем право говорить о нём как о первом подлинном русском композиторе-классике?

Ещё раз обратимся к Борису Асафьеву: *«Всё, что было хорошего в опытах создания русской оперы до Глинки, заслонено было от потомков первой же его оперой «Иван Сусанин». И каким содержательным было это вступление русского музыкального театра в жизнь: главное действующее лицо — крестьянин, и не по названию только, а по существу музыки, в которой раскрывается образ глубокой душевной правдивости; за ним, за крестьянином села Домнино Су-*

саниным, встаёт русский народ в великолепных мужественно ярких, суровой силы хорах интродукции. Действие оперы — подвиг, самопожертвование во имя счастья родины, совершаемый Сусаниным, крестьянином-гражданином. Финал оперы — всенародный гимн в форме песенно-распевно развитого канта, хорового марша-шествья, не превзойдённый по сочетанию монументальной классической ясности, свежести и стройности с простотой, доступностью, запоминаемостью напева и его пути развития.

В своё время кант явился в своём маршево-хоровом облике (начальные десятилетия XVIII века) детищем реформированного русского общественного сознания: на смену прекрасным, но всё же созерцательно распевным формам русской народной песенной культуры и безусловной статике культовой культуры распевов кант принёс мелос в движении, в чётких ритмах, в конструктивной членённости

напева силлабическим метром. Росла жизнь городов, привлекая, собирая народные силы, привился и кант и стал выразителем после-реформенного народного государственного сознания, как песня-марш».

Асафьев удивительным образом описывает даже связь русской природы с нашим коллективным творчеством, к которому мы неизбежно возвращаемся, и ради которого живём.

«Много и многие писали о величии замысла, о драматической концепции и богатстве музыки «Ивана Сусанина» Глинки.

Лично меня волнует в этой опере больше всего то, что как-то полураскрыто в ней и больше ощущается через музыку, чем подчёркнуто в ней. Впрочем, один раз и подчёркнуто: вьюга в лесу пред утренней, «смертной для Сусанина», зарёй.

Итак, я разумею лирику русской природы в «Сусанине». Зимний лес — реальнейшая звукопись в этой музыке. Как-то не подходят тут

обычные слова — поэзия леса, лирика леса! Иное тут: правда о лесе в человеческой народной жизни. Редкая в музыке трезвая, простая мысль о природе: не созерцание, а чисто толстовское признание действительности. Сколько после Глинки блуждала русская музыка в своём отношении к русской природе: и через романтическое её преломление в сказах и личной лирике, и через литературно-описательные образы, и через мистико-религиозные тенденции!

Но словно боялись русские композиторы поставить своё сознание «лицом к лицу» к природе и непосредственно её передать в звукообразах. А Глинка это умел».

Кстати, в художественном фильме «Глинка» 1946 года с Борисом Чирковым в главной роли очень хорошо передана атмосфера снобизма придворной публики. Несмотря на переименование либретто из «Ивана Сусанина» в «Жизнь за царя», несмотря на угоднический текст придворного либреттиста, музыке Глинки удалось

сделать невозможное — передать дух народного патриотизма, исходящий из глубины «коллективной души» русского народа. Только представьте себе: блестящий зал Большого театра, лорнеты, публика лож и партеров. Здесь была бы гораздо уместней музыка Россини. Как вдруг...

Действие оперы происходит в России, в XVII веке. По либретто барона Розена — неожиданно вышедшие из лесу польские захватчики требуют показать им жилище царя Михаила (первого из династии Романовых), расположенное неподалёку. По либретто Городецкого (30-е годы, XX век, СССР), поляки требуют от Сусанина показать им расположение русских войск и дорогу на Москву. В обоих либретто Сусанин соглашается, но заводит врагов в непроходимый лес, где и погибает.

Давайте заранее исключим разговоры о том, был ли — не был ли Иван Сусанин в действительности. Исторические справки в данном случае — не самое главное. Не слишком важно и то, что Су-

санин по статусу не принадлежит воинскому слову. Образ подвига крестьянина, пожертвовавшего собой ради спасения Державы, — это именно такой русский образ, который понятен и доступен для всех. Несмотря на массу условностей. И даже в каком-то смысле более действен, чем если бы он был воином по статусу. Он воин по духу, это изначально во плоти — и потому этого вполне достаточно. Переживаниями за свою страну, как за державу проникнуты тексты всех персонажей, даже врагов. Этому, собственно, посвящено всё произведение в целом.

Показателен здесь ещё и существенный момент, расставляющий для всех, особенно для оппонентов, верные акценты. Главный герой в нашем случае — отнюдь не завоеватель, он даже совершенно без оружия. Наши воины вообще не являются в этот мир нападающими. Они — защитники, в самом хорошем значении этого слова. Недаром Фёдор Иванович Тютчев написал такие строки:

*Из переполненной господним гневом чаши
Кровь льётся через край, и Запад тонет в ней.
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши!*

—

Славянский мир, сомкнись тесней...

*«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спясть его любовью, —
А там увидим, что прочней...*

Иван Сусанин — это крепостной крестьянин, вотчинный староста села Домнино в Костромской губернии. Хозяйственник, даже не хозяин. То есть человек, просто волею случая поставленный в положение защитника Отечества. И находящий единственно верный выход из положения — ценой собственной жизни.

«То, что данная тема приписана легендарному крестьянину села Домнино, — пишет Асафьев, — не меняет дела. Суть в другом, в более существенном качестве: что образ Сусанина становится в музыке Глинки действительно

народным, а потому общечеловеческое в нём — не абстракция, не «либреттное понятие». Сусанин является — «звучит» — реальным носителем народного мироощущения и ничего общего с устоявшимися в оперных схемах типами «отцов из народа» не имеет. Но и это не история в её конкретности, а народная историческая действительность в том смысле, что в личности Сусанина правдиво отражено душевное величие народного характера».

Идею о подвиге Сусанина подсказал композитору поэт Василий Андреевич Жуковский. Примечательно, что музыка к ней была написана раньше, чем либретто. Текст оперы, который был поручен придворному поэту, барону Розену, подгонялся под уже написанную музыку чуть позже. Такой странный, выверотный способ написания оперы, кстати, говорит о многом. Прежде всего об изначальном симфонизме. Но не в том смысле инструментальности интонационной природы (она-то, как раз напротив, чрезвычайно вокаль-

на), которую проповедовали профессионалы, отдающие формализмом, а в ясности драматургического плана.

Симфоничность, подразумевающая различные градации основных образов, их противостояние и взаимодействие — признак европейской академической школы. Однако, эта форма — в опере «Иван Сусанин» впервые воплотилась на почве русского (и шире — славянского) интонационного строя. Причём, что интересно, образы врагов здесь — также славянские. В данном случае — польские. Удачное драматургическое решение (сторона противника в опере представлена во втором «польском» акте почти что танцевальным дивертисментом) позволило Глинке *противопоставить жанрово* враждующие стороны — а это очень сильное средство, вполне достойное противопоставлению основных образов симфонии. Преобладание вокальной природы голосоведения в опере — характерная черта русских. Преобладание же инструмен-

тальной, танцевальной природы — избрано композитором для характеристики поляков. Не только балетные фрагменты, но и вокальные реплики их партий остро-ритмичны, подчёркнуто-инструментальны, танцевальны.

То есть в опере взаимодействуют контрастные жанровые сферы. И это очень чётко слышно. Грубо говоря, русские в опере — поют, а поляки — танцуют. Даже при помощи пения. (Здесь опять же будет уместной цитата из Тютчева «А мы попробуем любовью...»)

Но пусть не сложится у внимательного читателя превратное мнения о том, что Глинка просто механически совместил западную форму с русской мелодией. «Основное творческое кредо, — пишет советский исследователь творчества композитора О. Е. Левашёва, — Глинка отчётливо сформулировал уже на склоне лет, в немногих словах, записанных А. Н. Серовым: «Создаёт музыку народ. А мы, художники, только её аранжируем». Мысль эта, пусть ещё не осознан-

ная в столь чёткой афористичной форме, овладела им с первых же творческих лет. Выросший в деревенской глуши, с детства сроднившийся с народной крестьянской песней, которую впитывал во всём её первозданном богатстве, он в юности с увлечением развивает народные темы. Идея национальной героической оперы глубоко захватывает его в пору созревания его таланта — ей он отдаёт свои «годы учения» и «годы странствий». В пору, когда ему, молодому музыканту, удалось вплотную столкнуться с лучшими достижениями западноевропейской музыки. Новых форм воплощения русского народного тематизма, народного мелоса ищет он и в опере, и в романсе, и в инструментальной музыке, которую стремится подчинить оригинальным, самобытным принципам композиции. Иначе говоря, первый среди русских композиторов Глинка сумел выйти за пределы бытовой трактовки народной темы и положить идею народности в осно-

ву всей творческой концепции. Впервые удалось ему осуществить в музыке завет Радищева, видевшего в русской народной песне «образование души нашего народа».

Подняться на этот уровень он смог только благодаря новому, неизмеримо более глубокому подходу к самому материалу народной музыки. Подобно Пушкину, он обладал редким даром синтетического мышления — способностью выйти далеко за пределы непосредственных впечатлений. <...> Всё это поражало в то время слушателей своей новизной и заставляло наиболее проницательных современников Глинки усматривать в его музыке «целую систему русской мелодии и гармонии, почерпнутую в самой народной музыке и не сходную ни с одной из предыдущих школ».

Опера «Иван Сусанин», вне всякого сомнения — трагедия. Только это «оптимистическая трагедия». Нет, наверное, в России, да и в Европе, человека, ни разу не слыжавшего знаменитый

финальный хор «Славься». А тем новичкам, которым это удовольствие ещё только предстоит, можно лишь позавидовать. Этот хор внушает такую стойкость и непоколебимую, фундаментальную уверенность, что... слова здесь бессильны. Лучше дать волю музыке.

Коллективность как данность. Коллективность как животворящее начало... В какой стране мира ещё настолько явно была бы главной ценностью социальная справедливость? Коллективность как важнейший культурообразующий принцип, проявленный буквально во всём. В выборе сюжета. В образе главного героя. В собранности этого образа. В образе его мыслей. В свой предсмертный час Сусанин вспоминает поимённо всех своих близких и для каждого находит искренние слова, благословляя жить дальше. Ну, и, наконец — в том, что русский народ не мыслил себя без сохранения Державы.

Это слышно в каждом звуке, рисуящем любой из наших образов. Глинка, как чуткий художник, на подсознательном уровне сумел это хорошо прочувствовать и гениально воплотить. Каждый образ — как «часть» некоего «целого» — прекрасно вписан в общий контекст партитуры. И — вполне логично — все они впоследствии срастаются в едином финальном порыве хора «Славься».

Попутно в этой опере раскрывается дополнительный пласт понимания стихотворения Тютчева «Два единства». Призыв «Славянский мир, сомкнись тесней...» апеллирует не только к русскому миру. Поляки ведь тоже славяне по крови. Однако в данном дискурсе, безусловно, мы должны просто увидеть (услышать, понять) такую картину: польский отряд враждебно настроенных воинов. От Сусанина им нужно только одно — выполнение их условий под страхом смерти.

Что сделал бы на его месте голливудский супергерой? Попытался б «ликвидировать банду»,

то есть искал и нашёл бы способ уничтожить польский отряд.

Что делает Сусанин? Он изначально готов умереть, он просто и спокойно решается завести поляков в непроходимые болота, понимая, что идёт на собственную гибель, даже не простившись со своими родными.

Если немного отстраниться от эмоций и перейти на формальный язык, это называется «нелетальный вид оружия». Здесь, кстати, становится совершенно не важно, кто и как погиб в этом сюжете. Поляки были уверены, что их ружья решат проблему, и они дойдут до своей цели. Но в нашем случае «спаяла всех любовь» Сусанина к Отчизне. Пусть даже уже и не в этом мире.

Несколько слов о Голове в опере «Руслан и Людмила»

Вторая гениальная опера Глинки — операсказка. О ней написано очень много. И ещё больше, думаю, напишут. В данном случае хочу привлечь внимание к одному эпизоду, который почти никак не освещён в музыковедении. Это эпизод встречи Руслана и Головы. Один из экзотичных эпизодов поэмы Пушкина, требующий, безусловно, адекватного решения его в музыке. Но что же делает Глинка? Он даёт партию Головы исполнить... хору. И — опять мы слышим жанровую опору на кант.

Все знают, что понятия «коллектив», «хор» — всегда связаны с понятиями «взаимопомощь», «ансамбль», то есть — с взаимодействием количества единиц исполнителей больше одного. Понятие «солист» — связано с отдельно взятым индивидом. А теперь вопрос: есть ли ещё в истории музыки прецеденты, где бы партию одного

героя исполнял хор? Или что — это просто сделано ради экзотики? И не несёт в себе более никаких смыслов, кроме эстетических?

Образ соборного витязя исполинского размера, от которого осталась теперь Голова. Это брат злого карлика Черномора, похитившего любовь. Главный отрицательный персонаж, который есть воплощённое Зло (индивидуализм). Голова, встретившаяся на пути Руслана, — это антипод Черномора; он есть воплощённое Добро (хор, организованная множественность, структура, система). Дающее главному герою право действовать и соответствующее этому оружие.

Родина? Образ русского воина или воинства?

Соборность. Собор. Хор. Народная воля, дающая основополагающее право. Если б откуда-нибудь сверху за нами наблюдали инопланетяне, не понимающие русского языка, думаю, даже они бы увидели (услышали) в этом эпизоде наш русский мир примерно так же. Не имея никаких записок, никаких исторических свидетельств об

этом, рискну всё же предположить вот что. Этот образ Головы является **народным благословением на подвиг** главного героя. Глинка подспудно, интуитивно-безошибочно создал то, чего, быть может, вовсе и не хотел создать, и не ожидал создать. Но — всегда это чувствовал!

Един во множестве и множество в единстве

Пожалуй, именно такую формулу можно вывести, исходя из прослушивания и осмысления музыки Глинки. И, как видите, эта формула здесь не есть ни «старая», ни «новая» философия, ни теория квантов, ни герметизм (хотя и все перечисленные понятия также вполне укладываются в подобную формулу).

Это — самое что ни на есть русское понятие, и имя ему — соборность. Из общественно-политических формаций последнего века, пожалуй, по форме — более всего — соборности со-

ответствует Коммунизм. Но что с ним произошло в конце XX века, почему мы так бездарно с ним (с коммунизмом, то есть со своей сущностью), обошлись, и что нам теперь делать — уже совершенно другая тема. Одно лишь точно понятно.

Бороться и искать, найти и не сдаваться.

Олег Гуреев